DOI: 10.53737/2713-2021.2026.38.47.012

В.В. Вахонеев

ГРОБНИЦА АННИОН РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ НЕКРОПОЛЯ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО*

Статья посвящена плитовой гробнице Аннион, исследованной в римском некрополе Южного пригорода Херсонеса Таврического. Комплекс рассматривается в контексте монументальной организации некрополя вдоль дороги, ведущей к городским воротам, и связан с группой надгробных стел Аннион, Аристона и Боиска. Анализ архитектуры, эпиграфики, антропологических данных и погребального инвентаря показывает, что гробница входила в состав семейного мемориального участка и использовалась неоднократно. Основной погребальный набор датируется последней третью I — началом II в. н.э.; при этом мемориальное оформление комплекса могло функционировать до середины II в. н.э. Особое значение имеют вторичное положение останков молодой женщины и ребенка, богатый женский инвентарь, туалетно-косметический набор и предметы апотропейного характера.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, Южный пригород, римский некрополь, гробница Аннион, стела, погребальный инвентарь, ингумация, апотропеи.

Сведения об авторе: Вахонеев Виктор Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН.

Контактная информация: 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18, Институт истории материальной культуры РАН; e-mail: vvvkerch@mail.ru.

Viktor Vakhoneev

THE ROMAN-PERIOD TOMB OF ANNION FROM THE NECROPOLIS OF TAURIC CHERSONESOS

The article examines the slab-built tomb of Annion discovered in the Roman-period necropolis of the Southern Suburb of Tauric Chersonesos. The monument is analyzed within the broader context of the monumental funerary zone that developed along the road leading to the city gates and is associated with a group of funerary stelae mentioning Annion, Ariston and Boiskos. The combined analysis of architecture, inscriptions, anthropological data and grave goods shows that the tomb formed part of a family memorial plot and was used repeatedly. The main burial assemblage dates to the last third of the 1st to the early 2nd century CE, while the architectural and epigraphic memorial program may have continued to function until the mid-2nd century CE. Special attention is paid to the secondary position of the remains of a young woman and a child, the rich female assemblage, toilet and cosmetic objects, and apotropaic items.

Key words: Tauric Chersonesos, Southern Suburb, Roman necropolis, Tomb of Annion, funerary stela, grave goods, inhumation, apotropaia.

About the author: Vakhoneev Viktor Vasil'evich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences.

Contact information: 191186, Russian Federation, St. Petersburg, Dvortsovaya Embankment, 18, Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; e-mail: vvvkerch@mail.ru.

---

* Статья подготовлена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Методы сохранения археологического наследия на основе применения современных технологий» (FMZF-2025-0012).

Статья поступила в номер 4 августа 2026 г.
Принята к печати 28 августа 2026 г.

© В.В. Вахонеев, 2026.

Введение

В римское время некрополь Херсонеса Таврического развивался как сложно организованное пригородное пространство, планировочная структура которого была тесно связана с дорогой, ведущей к городским воротам. Эта дорога сохраняла значение одной из главных топографических осей южного пригорода еще с раннеэллинистического времени, когда вдоль нее располагались крупные общественные и сакральные сооружения — героон, храм в антах и нимфей. В первые века н.э. прежняя сакральная организация территории была переосмыслена в рамках погребального ландшафта: вдоль дороги и примыкавших к ней проходов формировались монументальные участки со склепами-колумбариями, плитовыми гробницами, экседрой, толосом и многочисленными кремационными площадками (Вахонеев 2025: 53—69). В организации этого пространства прослеживаются аналогии с принципами пространственной организации некрополей Италии, где с I в. н.э. получила распространение практика обустройства погребальных улиц с индивидуальными и семейными усыпальницами, а также почетными монументами (Буйских 2008: 231). Подобная модель была характерна и для некрополей западных провинций Римской империи, а также на территории Малой Азии. В Херсонесе она была воспринята не как механическое заимствование, а как адаптация новых римских форм к уже существовавшей планировке и местной погребальной традиции.

Масштабные раскопки Южного пригорода Херсонеса 2021—2023 гг. позволили впервые проследить эту систему не по отдельным памятникам, а в пределах значительной площади. Исследования на 8,5 га выявили многочисленные объекты различных эпох и существенно уточнили представления об исторической топографии пригорода и структуре римского некрополя. Особое значение имеет то, что материалы из 23 раскопов показали неоднородность некрополя: наряду с участками рядовых захоронений здесь существовали зоны выраженной монументализации, связанные с семейными мемориальными комплексами, кремацией и публичной демонстрацией статуса (Соловьева и др. 2024: 21—22). Наиболее ярко эта картина проявилась на раскопе 4, где были сосредоточены ключевые монументальные погребальные сооружения римского времени.

Эта территория вблизи городских ворот — один из важнейших узлов планировочной структуры некрополя. Здесь особенно отчетливо проявляется характерная для римского времени организация погребального пространства вдоль главной дороги: монументальные сооружения были обращены к движению, рассчитаны на обозрение и включены в практики семейной памяти.

Среди них особое место занимает плитовая гробница Аннион. Она входила в состав сложного наземного мемориального комплекса, состоящего из склепа-колумбария, непосредственно гробницы с двумя надгробными стелами, а также монументального памятника Аристона, сына Аристона, с примыкающей ступенчатой площадкой (рис. 1).

Фактически гробница располагалась в центре сооружения и представляла собой наземную плитовую могилу. Боковые стенки были образованы вертикально поставленными плитами, формировавшими узкое вытянутое внутреннее пространство. При подгонке плит в их верхней части были предусмотрены специальные углубления для установки пиронов. Сверху гробница была перекрыта массивными каменными плитами, уложенными как вдоль, так и поперек камеры. При этом сооружение не имело подземной части: оно располагалось на уровне древней дневной поверхности и воспринималось как наземная каменная гробница, включенная в общий архитектурный мемориальный ансамбль.

С лицевой северо-восточной стороны захоронение было оформлено как надмогильный памятник. В верхней части сооружения находился монолитный блок-основание, в котором были устроены пазы для установки двух вертикальных надгробных стел: Аннион, дочери Эсхина, — слева и Аристона, сына Аттины, — справа (рис. 1: 2, 3). Особое значение имеет лицевая сторона блока-основания. Она была украшена рельефными изображениями трех

антропоморфов, помещенных в квадратные ниши. Ниже по фасаду прослеживается участок каменного заклада, откуда совершалось подзахоронение в могилу.

С задней стороны комплекса была обнаружена еще одна стела — Боиска, сына Аристона. Ее изначальное местоположение в комплексе установить не удалось. Всего же комплекс содержал четыре надгробные рельефные стелы: Аннион, дочери Эсхина, сына Героида, умершей в возрасте 18 лет (Ἄννιον θυγάτηρ Αἰσχίνου τοῦ Ἡροΐδου ἐτῶν ιη′, χαῖρε), Аристона, сына Аттины (Ἀρίστων Ἀττίν[α], χαῖρε), наиболее монументальную Аристона, сына Аристона (Ἀρίστων Ἀρίστωνος, χαῖρε), а также Боиска, сына Аристона (Βοΐσκος Ἀρί[στων]ος, [χαῖ]ρε) (Павличенко 2024: 290—295)[1].

Особенно важна повторяемость имени Аристон и патронимическая связь Боиска с Аристоном. Это позволяет рассматривать надгробия как группу, связанную с одним родом. Наиболее значимой для исторической интерпретации является стела Аристона, сына Аттины. Этот человек, по-видимому, может быть сопоставлен с известным по херсонесским декретам первой половины II в. представителем городской элиты. В декрете в честь синопейца Гая Валерия 106—115 гг. Аристон, сын Аттины, фигурировал, вероятно, в качестве продика, а в декрете в честь гражданина Гераклеи Диа… 129—130 гг. — в качестве секретаря совета. Его полный cursus honorum известен по надписи на постаменте статуи, поставленной жителями Херсонеса, вероятно, около 138 г. (IOSPE I² No. 319, 359, 423; Сапрыкин 1998: 54).

Стела Аннион занимает в этой группе особое место. В отличие от имен Аристон и Боиск, имя Ἄννιον до настоящего времени не было засвидетельствовано в херсонесской эпиграфике. Указание возраста в 18 лет делает памятник особенно важным для соотнесения эпиграфических и антропологических данных обнаруженного захоронения.

После вскрытия плит перекрытия было изучено заполнение могилы. Внутри были выявлены останки молодой женщины и ребенка. Оба костяка находились в переотложенном состоянии: кости были смещены, что позволяет говорить о вторичном помещении останков (рис. 2). Это свидетельствует о том, что перед нами семейная гробница, использовавшаяся как минимум дважды и связанная с более широкой мемориальной практикой, отраженной в группе надгробных стел.

Погребальный инвентарь из гробницы Аннион отличается исключительной насыщенностью и типологическим разнообразием, поэтому его рассмотрение требует не простого перечисления находок, а анализа основных групп. С учетом переотложенного положения костных остатков отдельные категории вещей не всегда могут быть механически соотнесены с конкретным индивидом, но важно рассматривать их как целостный погребальный набор одной семьи. В дальнейшем инвентарь анализируется последовательно: золотые украшения и элементы погребального убора, стеклянные сосуды и туалетно-косметические принадлежности, костяные изделия, бусы и подвески, керамические сосуды, бронзовые амулетно-апотропейные предметы и украшения, детали деревянной шкатулки, железные изделия и терракотовая пластика.

Золотые изделия

Золотые изделия из гробницы Аннион образуют одну из наиболее значимых категорий погребального инвентаря. В составе комплекса представлены личные украшения, элементы нашивного декора, трубчатые пронизи, фрагменты золотой фольги и золотые нити (рис. 3—5).

Самую многочисленную группу составляют нашивные бляшки из тонкого золотого листа. Они представлены несколькими вариантами. К первой группе относятся крупные круглые умбоновидные бляшки с выпуклой центральной частью и орнаментированным бордюром из

[1] В настоящей статье стелы привлекаются преимущественно как источник для реконструкции погребального комплекса. Их специальное искусствоведческое и эпиграфическое исследование планируется в отдельной публикации, подготавливаемой Н.А. Павличенко и А.А. Трофимовой.

выпуклых точек (рис. 4: 1) (ср.: Журавлев и др. 2017: кат. 247—265). Вторая, наиболее декоративная группа представлена бляшками с тиснением в виде звезды / розетки разных размеров (рис. 4: 2—7, 9) (ср.: Журавлев и др. 2017: кат. 209—232). Отдельно следует выделить мелкие полусферические бляшки и близкие к ним выпуклые дисковидные нашивки (рис. 4: 8, 10) (ср.: Журавлев и др. 2017: кат. 266—282).

Треугольные бляшки (рис. 3: 1) имеют форму равнобедренного треугольника с небольшим отверстием в верхней части и украшены рядами горизонтальных выпуклых линий или точек, выполненных тиснением. По морфологии и функции они принадлежат к кругу геометрических нашивных бляшек треугольной или усеченно-треугольной формы. Для таких изделий характерны тонкий золотой лист, рельефный декор, отверстия для пришивания и связь с тканевой или иной органической основой. Близкие херсонесские бляшки—усеченные треугольники с отверстиями для пришивания датируются I—II вв. н.э. (Журавлев и др. 2017: 108—109, кат. 204—205, табл. 56, 57, 61). В комплексе Аннион эти предметы могли крепиться к погребальному покрывалу, головному убору, венку или одежде.

К той же группе геометрических нашивок относятся прямоугольные бляшки (рис. 3: 2). Их лицевая поверхность заполнена диагональной сеткой из выпуклых точек, образующих ромбический орнамент. По краям фиксируются отверстия для пришивания. Ближайшие херсонесские параллели представлены ромбическими бляшками с выпуклым ободком, полем из рядов выпуклых точек и отверстиями в острых концах; такие изделия датируются I—II вв. н.э. и выполнены тиснением по тонкому золотому листу (Журавлев и др. 2017: 109, кат. 207—208, табл. 56, 57, 61).

Третий и наиболее массовый тип образуют полусферические бляшки (рис. 3: 4). Они имеют выпуклую полусферическую форму, иногда с отверстиями по краям (Журавлев и др. 2017: 119—131, кат. 238—282, табл. 63—66, 69—74).

Важное место занимают трубчатые золотые пронизи (рис. 3: 5). Они выполнены в виде коротких цилиндрических элементов, свернутых из тонкой золотой пластины с поперечным рифлением (Журавлев и др. 2017: 81—90, кат. 142—171, табл. 45, 46, 48—49). Отдельные рубчатые трубочки из херсонесских комплексов датируются I в. н.э. или I—II вв. н.э. (Журавлев и др. 2017: 81—90, кат. 153—168). В комплексе Аннион эти элементы могли выполнять двойную функцию: входить в состав ожерелья или браслета, а также использоваться как нашивной бордюр, тесьма или декоративная линия на ткани.

Среди фигурных нашивных деталей выделяется овальная бляшка с рельефным изображением бюста Гелиоса (рис. 5: 4). Голова божества окружена лучами. По краям бляшки имеются отверстия для пришивания. В отличие от геометрических бляшек, этот предмет нес не только декоративную, но и иконографическую нагрузку.

К той же солярной линии относится украшение с изображением головы Гелиоса (рис. 5: 5). Этот предмет не является обычной нашивной бляшкой из золотой фольги: рельефная золотая пластина закреплена на бронзовом основании. Такая конструкция позволяет рассматривать его как составное украшение или накладной декоративный элемент, связанный с более прочной основой — возможно, с деталью одежды, застежкой, головным убором, венком или другим элементом погребального убора.

К единичным предметам относится вытянутая изогнутая пластина, украшенная рядом выпуклых точек (рис. 3: 6), малая золотая розетка, выполненная в виде цветка с несколькими лепестками (рис. 3: 7) и миниатюрная спиралевидная нашивка, выполненная в виде завитка (рис. 3: 8).

Особое значение имеют фрагменты золотой фольги (рис. 3: 9) и многочисленные золотые нити (рис. 3: 10). Эти находки, вероятно, происходят от разрушенной органической основы: ткани, покрывала, венка или головного убора (Журавлев и др. 2017: 167, кат. 349—351).

К числу личных украшений относится перстень (рис. 5: 1). Он имеет тонкую золотую шинку и овальный щиток с гранатовой вставкой с резным изображением бегущего животного влево. По конструкции это перстень с овальной вставкой-инталией, сочетающий ювелирную и

глиптическую традиции. Близкий круг херсонесских перстней представлен изделиями с овальными кабошонами, красными камнями и геммами-инталиями, датируемыми в пределах первых веков н.э. (Журавлев и др. 2017: 160—165, кат. 335—342, табл. 84, 85, 88—91).

Особо выразительна серьга (рис. 5: 2). Она состоит из крючка, каплевидного корпуса со стеклянной вставкой и трех нижних подвесок; средняя подвеска имеет окончание в виде полого шарика. В изделии сочетаются тонкая золотая основа, оправа для вставки, зернистое обрамление, проволочные элементы и подвижные подвески. По конструкции серьга входит в круг римских украшений с фигурным щитком, вставкой и подвесками, хорошо представленных в херсонесском ювелирном материале первых веков н.э. (Пятышева 1956: 42—55; Журавлев и др. 2017: 43—58, кат. 82—92, табл. 14, 15, 30).

К ювелирным изделиям также относится и подвеска (рис. 5: 3). Она имеет каплевидную форму, золотую оправу и темно-красную стеклянную вставку. По краю подвеска украшена зернистым бордюром; в верхней и нижней части имеются петли, что позволяет рассматривать ее как элемент серьги, ожерелья или составного украшения (Журавлев и др. 2017: 68—90, кат. 119—171, табл. 39—49).

Стеклянные изделия

Стеклянные изделия составляют одну из наиболее выразительных категорий инвентаря гробницы Аннион. В функциональном отношении стеклянные предметы можно разделить на несколько групп: 1) закрытые сосуды для масел и благовоний; 2) декоративные формовые сосуды; 3) открытые сосуды для питья или возлияний; 4) открытые сосуды типа блюда; 5) туалетно-косметические принадлежности (рис. 6—7).

Основу стеклянного комплекса составляют закрытые сосуды небольшого размера: бальзамарии, флаконы, амфориски и арибаллы. Их объединяет небольшая вместимость, узкое горло и форма, удобная для хранения ценных жидкостей — ароматических масел, благовоний, косметических составов. По классификации К. Айсингс большая часть таких сосудов относится к кругу форм 26—28 — унгвентариев и бальзамариев; в системе Б. Рютти и С. Фюнфшиллинг им соответствуют формы AR 128—130, AR 132, AR 134, AR 138 и близкие варианты (Isings 1957: form 26—28; Rütti 1991: AR 128—130, 132, 134, 138; Fünfschilling 2015: 677) (рис. 7: 1—14). Такие сосуды имеют длительное бытование от нероновско-флавиевского времени до позднеримского периода (Isings 1957: form 27, 40—41; Rütti 1991: AR 138).

Наиболее репрезентативны двуручные сосуды — амфориски и арибаллы. Первый сосуд имеет грушевидное тулово, высокое горло и две поднятые ручки, соединяющие плечики с верхней частью горла (рис. 6: 4). По пропорциям и исполнению это один из наиболее крупных и парадных сосудов комплекса. Типологически он относится к форме Isings 15, которой в классификации Б. Рютти и С. Фюнфшиллинг соответствуют формы AR 165 (Isings 1957: 32, form 15; Rütti 1991: AR 165; Fünfschilling 2015: 436). Еще один двуручный сосуд меньших размеров — с шаровидным гладким туловом. Данные сосуды возникают в тибериево-клавдиевское время, особенно популярны в клавдиево-нероновский и флавиев период.

Особую подгруппу образуют вытянутые ребристые амфориски (рис. 6: 8, 9). Первый сохранился почти полностью: сосуд имеет удлиненное овальное тулово с частыми горизонтальными ребрами, короткое горло и две ручки. Второй экземпляр представлен фрагментами верхней и нижней частей.

Два небольших одноручных кувшинчика с шаровидным ребристым туловом относятся к кругу сосудов формы Isings 52b, которой в классификации стекла из Августы Раурики соответствует форма AR 162 (рис. 6: 3, 6) (Isings 1957: 69—70; Rütti 1991: 158—159; Fünfschilling 2015: 434—435). Общая датировка AR 162 охватывает главным образом середину — вторую половину I в. н.э.

Наиболее редкими и выразительными предметами являются два фигурных формовых сосуда. Они относятся к кругу формового римского стекла и резко выделяются среди

обычных бальзамариев. В классификации К. Айсингс подобные сосуды объединены в форму 78 — mould-blown flasks, включающую сосуды в виде голов, плодов, виноградных гроздей и других фигурных форм (Isings 1957: form 78). В системе С. Фюнфшиллинг формовое стекло рассматривается в группе AR 30—33, AR 48, *AR 55.2, *AR 66.6 и *AR 188—*AR 190; для виноградных флаконов специально выделен тип *AR 189 (Fünfschilling 2015: 111, 677).

Первый сосуд выполнен из янтарно-коричневого стекла и имеет форму финика (рис. 6: 2). Поверхность тулова покрыта вытянутыми рельефными складками, имитирующими фактуру плода. По классификации К. Айсингс он относится к форме 78d — флаконам в виде финика (Isings 1957: form 78d). Такие сосуды выполнялись натуралистично, обычно из янтарного стекла; среди датированных аналогий называются Помпеи, Дура-Европос, Аквилея и Ремаген, а общий диапазон находок охватывает конец I — конец II в. н.э. (Isings 1957: form 78d, 93—95). В погребальном контексте такой сосуд мог восприниматься не только как емкость для ароматического вещества, но и как предмет с символикой плодородия, изобилия и восточной роскоши.

Второй флакон выполнен в виде виноградной грозди (рис. 6: 7). Его тулово покрыто рельефными округлыми выступами, имитирующими ягоды; горло узкое, цилиндрическое. В классификации К. Айсингс он относится к форме 78e — grape flask, то есть формовому флакону в виде виноградной грозди (Isings 1957: form 78e). С. Фюнфшиллинг выделяет для виноградных сосудов тип *AR 189: ранний вариант *AR 189.1 — тонкостенный малый флакон с круглыми выступами, датируемый преимущественно 40—100 гг. н.э., и более поздний вариант *AR 189.2 — флакон или амфориск с округлыми выступами, датируемый в пределах 150—250 гг. н.э. (Fünfschilling 2015: 677, 702). По внешнему облику херсонесский экземпляр, небольшой сосуд с туловом в виде грозди и узким горлом, ближе к ранней традиции виноградных флаконов.

Открытые формы представлены несколькими сосудами и фрагментами. Первый — небольшой стакан или кубок из светлого голубовато-зеленоватого стекла, с вытянутым туловом, слегка расширяющимся кверху, простым венчиком и округлым дном (рис. 6: 1). Это свободно выдутая открытая форма, лишенная выраженного декора. По классификации К. Айсингс он может быть сопоставлен с небольшими кубками / стаканами форм 29—30, а в системе Б. Рютти — с группами AR 35—36, объединяющими простые выдувные стаканы раннеримского времени (Isings 1957: form 29—30; Rütti 1991: AR 35—36; Fünfschilling 2015: 677). Такие сосуды могли использоваться как емкости для питья, возлияний или как часть поминально-туалетного набора.

К открытым и полузакрытым малым формам относится сосуд синего стекла (рис. 7: 15). Он имеет округлое тулово и широкий отогнутый венчик. Наиболее близко он соответствует группе малых баночек / сосудов для мазей формы Isings 68, которой в системе Б. Рютти соответствуют AR 113—114 (Isings 1957: form 68; Rütti 1991: AR 113—114; Fünfschilling 2015: 677). Такие сосуды особенно распространены во флавиевское время и во II в. н.э. (Isings 1957: form 68). В погребальном контексте этот синий сосуд мог использоваться для косметического состава или мази вместе со стеклянными палочками.

Еще один открытый сосуд представляет собой низкую чашу или мисочку из светло-голубого стекла (рис. 7: 16). По форме сосуд близок к чашам с трубчатым или загнутым краем формы Isings 44, особенно к малым вариантам глубоких чаш; в системе Б. Рютти такие формы сопоставляются с AR 109.1 (Isings 1957: form 44; Rütti 1991: AR 109.1; Fünfschilling 2015: 677). К. Айсингс отмечает, что форма 44 появляется около середины I в. н.э., становится популярной во флавиевское время и известна также в более поздних контекстах (Isings 1957: form 44).

Наконец, в составе комплекса присутствует серия фрагментов блюда или тарелки, диаметром около 17 см, а также обломки других фрагментированных сосудов (рис. 7: 12, 13, 18). Их точная типологическая атрибуция невозможна ввиду фрагментарности, но они подтверждают присутствие в наборе не только флаконов для благовоний, но и открытых сосудов.

Особое место занимают две косметические стеклянные палочки. Первая представляет собой длинный витой стержень с кольцевидным завершением (рис. 7: 19). По классификации К. Айсингс такие предметы относятся к форме 79 — stirring-rods (Isings 1957: form 79). Вторая — вытянутый тонкий стержень из янтарного стекла с заостренным концом и расширением в

верхней части (рис. 7: 20). Его можно предварительно определить как стеклянную шпильку, стержень или туалетный инструмент. В отличие от предыдущей, он не имеет кольцевидного завершения и не является классическим stirring-rod формы, однако функционально сближается с косметическими принадлежностями. В составе гробницы эти предметы дополняют принадлежности, связанные с женским туалетом и уходом за телом.

Изделия из кости

В составе находок из кости представлены пиксиды, шпильки и стержневидные инструменты, а также предметы, связанные с прядением. Такая структура хорошо соответствует римскому набору предметов mundus muliebris, где костяные вещи выступали не только как утилитарные предметы, но и как элементы социально и символически значимого женского погребального инвентаря (рис. 8—11).

Наиболее информативную группу составляют костяные пиксиды — небольшие коробочки баночной формы с крышкой, предназначенные для хранения косметических средств, красителей, ароматических веществ, украшений, швейных принадлежностей или иных мелких предметов. В отличие от стеклянных флаконов и бальзамариев, рассчитанных преимущественно на жидкости, костяные пиксиды могли использоваться для сухих, порошкообразных или пастообразных веществ. В работах Ж.-К. Беаля и М. Фежера они прямо отнесены к кругу малого инвентаря mundus muliebris; при этом отмечены случаи находок пиксид с остатками цветных веществ, интерпретируемых как косметические краски, а также примеры хранения в них швейных принадлежностей (Béal, Feugère 1983: 115—116). В. Бырка также подчеркивает туалетно-косметическую функцию костяных пиксид, указывая, что они служили для хранения румян, порошков, ароматических веществ, а иногда минеральных, смолистых или растительных субстанций; остатки таких веществ действительно фиксируются внутри отдельных сосудов (Bârcă 2019: 129—130).

Технологически пиксиды относятся к кругу точеных костяных сосудов, изготовленных из крупных трубчатых костей животных (Bârcă 2019: 137; Ворошилова 2018: 123—124). На это указывают правильная цилиндрическая форма корпусов, следы токарной обработки, концентрические окружности на крышках и донцах, профилированные валики, бороздки и ровная полированная поверхность. Для костяных пиксид характерна составная конструкция: цилиндрический корпус, отдельное вставное донце и крышка, которая могла быть как выступающей за край сосуда, так и входящей внутрь его верхней части. Именно такие признаки Ж.-К. Беаль и М. Фежер положили в основу определения костяной пиксиды как самостоятельного типа среди прочих полых костяных изделий цилиндрического сечения (Béal, Feugère 1983: 115—116).

В составе комплекса Аннион выделяется серия простых цилиндрических пиксид типа 1 по Ж.-К. Беалю и М. Фежеру с гладким туловом и профилированными крышками (рис. 8: 2, 3, 4, 9: 2) (Béal, Feugère 1983: 116—118). Эти предметы имеют близкую конструкцию: цилиндрическое или слегка расширяющееся книзу тулово, плоское донце, крышку с концентрическими окружностями и невысоким бортиком. В северопонтийских сарматских комплексах изделия типа 1a связываются преимущественно с комплексами I в. н.э., но встречаются и в первые десятилетия II в. н.э., а тип 1b датируется второй половиной I — первыми десятилетиями / серединой II в. н.э. (Bârcă 2019: 146—147).

Второй вариант представлен более вытянутыми и тщательно профилированными пиксидами, корпуса которых разделены горизонтальными поясками и бороздками (рис. 8: 1, 5, 9: 3, 7). Их стенки украшены несколькими параллельными линиями. Подобная орнаментация выполняла не только декоративную, но и конструктивно-визуальную функцию: она подчеркивала форму цилиндра, отделяла верхнюю и нижнюю части сосуда и делала предмет более нарядным. Рельефные пояски и группы горизонтальных бороздок являются одним из устойчивых приемов оформления костяных пиксид римского времени;

аналогичные элементы отмечены как в галло-римской, так и в северопонтийской традиции (Béal, Feugère 1983: 116—118; Bârcă 2019: 137; Ворошилова 2018: 123, 124).

Особое место занимает узкий вытянутый цилиндрический предмет с профилированными поясками (рис. 9: 4). По форме он отличается от широких пиксид и напоминает длинный футляр для тонкого предмета — иглы, шпильки, косметического стержня, палочки или иного элемента туалетного набора. В контексте гробницы, где присутствуют стеклянные палочки, пиксиды, украшения и пигменты, такой предмет логично включается в сферу ухода за телом и косметической практики.

Важнейшим аргументом в пользу косметической функции отдельных пиксид является наличие красного или розового пигмента, остатки которого зафиксированы в двух пиксидах (рис. 8: 4, 5). Эти находки можно интерпретировать как остатки косметического средства — вероятно, румян или пудры. Функционально это полностью соответствует известным аналогиям: Ж.-К. Беаль и М. Фежер приводят примеры пиксид с остатками цветных веществ из Лиона, района Керчи и Израиля, а О. М. Ворошилова, анализируя фанагорийские пиксиды, также связывает их содержимое с румянами, пудрой, мазями или порошками (Béal, Feugère 1983: 116; Ворошилова 2018: 122—124).

Наиболее выразительным предметом серии является пиксида, украшенная рельефным изображением (рис. 9: 1). На цилиндрическом корпусе представлена сцена с Эротом и петухом: крылатый Эрот изображен в движении, он хватает петуха за хвост, тогда как птица клюет из корзины. Эта композиция резко выделяет предмет среди остальных гладких и орнаментированных пиксид. Ж.-К. Беаль и М. Фежер отмечали, что фигурный декор на костяных пиксидах встречается редко: среди 40 рассмотренных ими галло-римских экземпляров только четыре имели рельефные изображения, причем декор выполнялся в технике низкого рельефа и располагался главным образом на корпусе сосуда (Béal, Feugère 1983: 118). Среди сюжетов встречаются сцены с путти / эротами, включая композиции с повествовательным характером, нанесенные на цилиндрическую поверхность пиксиды (Béal, Feugère 1983: 126), что полностью соответствует изображению и на херсонесской находке.

К группе пиксид относятся также отдельные костяные кольца, ободки и детали крышек или креплений (рис. 10: 1—4) (Bíró et al. 2012: 69).

Совершенно иную группу составляют пластинчатые костяные детали с пазами (рис. 10: 5—7). По форме они, вероятнее всего, представляли собой накладные элементы, закреплявшиеся на органической основе — дереве, коже или ином материале, не сохранившемся в погребальной среде (Bíró et al. 2012: 20). Небольшой ларец или футляр мог быть частью женского набора и служить вместилищем для предметов туалета или украшений. Для позднеантичной Фанагории известен показательный случай, когда пиксида находилась внутри деревянной шкатулки (Ворошилова 2018: 131).

Костяные изделия представлены также шпильками, проколками и тонкими стержневидными инструментами. Эти предметы образуют самостоятельную группу, тесно связанную с туалетно-косметическим комплексом погребения (Bíró et al. 2012: 7, 67—69).

Наиболее выразительными предметами являются две костяные шпильки с фигурными навершиями в виде женской фигуры (рис. 11: 1, 2). Фигура изображена стоящей, с поднятыми к голове руками. Такая иконография соответствует типу Афродиты Анадиомены, восходящему к эллинистическим скульптурным образцам и широко воспринятому римской мелкой пластикой. Д. Бартуш специально подчеркивает, что изображения Венеры на римских костяных шпильках отражают воздействие эллинистической скульптуры, малой пластики и металлических шпилек, а сами костяные экземпляры являются миниатюрными переработками известных статуарных типов (Bartus 2007: 22—30). Большинство датируемых экземпляров подобных шпилек относится к раннему этапу императорского времени, главным образом к I в. н.э., хотя отдельные находки показывают продолжение бытования типа вплоть до позднеримского времени (Bartus 2007: 29—30, fig. 8). Близкий по иконографии костяной

предмет из Аквинка: навершие изображало обнаженную Венеру, выходящую из купальни и поднимающую обеими руками волосы (Bíró et al. 2012: cat. 162).

Не менее примечательна и другая костяная шпилька, навершие которой оформлено в виде руки (рис. 11: 3). Функция последнего может быть связана с туалетной сферой: разделением прядей волос, нанесением косметики, извлечением вещества из пиксиды и т.п.

Более простое стержневидное изделие представляет собой костяную проколку или простую шпильку (рис. 11: 6). Оно имеет вытянутую форму, гладкую поверхность и заостренное окончание. Подобные предметы трудно атрибутировать узко: они могли использоваться как булавки, проколки, вспомогательные инструменты для ткани, волос или косметики.

Отдельное место среди костяных изделий занимают два веретена, одно из которых сохранилось в комплекте с пряслицем (рис. 11: 4, 5). Пряслице имеет дисковидную форму с центральным отверстием и служило грузиком, насаживавшимся на веретено для придания ему устойчивого вращения. Веретено представляет собой вытянутый предмет с расширением в центральной части и заостренным окончанием. Предметы прядения в римской погребальной культуре имеют не только бытовое, но и символическое значение (Ünal, Özcihan, Toy 2021: 271, 272).

Наконец, отдельную группу костяных изделий из гробницы Аннион составляют 46 астрагалов. Большая часть сохраняет естественную форму кости, однако не менее четырех предметов имеют сквозные отверстия, а один — прорезные линии (рис. 10: 8). В античной культуре астрагалы использовались в игровых практиках, но одновременно могли быть связаны с жребием, гаданием, вотивными действиями и апотропейной сферой.

Бусы и пронизи

Бусы, пронизи и подвески из гробницы Аннион образуют одну из наиболее многочисленных и типологически разнообразных групп погребального инвентаря (рис. 12—13).

Первую группу составляют гагатовые бусы и пронизи (рис. 12: 1—19). Они различаются формой: кольцевидные, цилиндрические, кубические, бочонковидные и уплощенно-овальные экземпляры. Простые округлые, поперечно-сжатые и бочковидные экземпляры сопоставимы с типами 2, 8 и 9 по классификации Е.М. Алексеевой; мелкие короткоцилиндрические пронизи, составляющие наиболее массовую серию, особенно близки к типу 27а (Алексеева 1978: 6—9; табл. 20—22).

Гагатовые украшения занимают особое место в погребальных комплексах римского времени. Е.М. Алексеева специально отмечала органическое происхождение гагата, его глубокий черный цвет, способность полироваться до блеска и широкое распространение гагатовых изделий преимущественно в погребальных памятниках.

Отдельно среди гагатовых изделий следует отметить пронизь, выполненную в виде стилизованной головы животного (рис. 12: 18) (Алексеева 1978: 6—9; табл. 21).

Отдельную группу составляют медные или выполненные из медного сплава бусины и пронизи (рис. 12: 27—30). Эти предметы имеют небольшие размеры и простую округлую форму (Алексеева 1982: табл. 40, 42).

Примечательную группу составляют бочонковидные бусины из сардоникса и сердолика (рис. 12: 21—25). Они имеют характерный полосчатый рисунок, обусловленный природной структурой камня. Они соответствуют типам 2а, 3а, 4, 26, 27 и 36 в зависимости от пропорций и формы канала (Алексеева 1982: табл. 36—39). Некоторые из них украшались золотыми навершиями (рис. 12: 20).

Мелкие стеклянные бусины представлены как отдельными пронизями, так и сериями мелкого бисера (рис. 12: 26, 31—36, 13: 17—22, 28, 30—34). Такие изделия относятся к кругу мелких одноцветных стеклянных бус, широко распространенных в античных некрополях Северного Причерноморья.

Отдельную группу образуют бусины из горного хрусталя (рис. 13: 1—6). Они представлены прозрачными или полупрозрачными пронизями различных форм: округлые и уплощенные пронизи (типы 1—2а и 5), вытянутые (типы 12 и 20—21) (Алексеева 1982: табл. 35). Одна бусина представлена в форме амфориска (рис. 13: 2).

Особую группу образуют белые и светло-голубые ребристые фаянсовые бусы (рис. 13: 7—16). По классификации Е.М. Алексеевой они соотносятся с типами 16—19, представленными среди изделий из египетского фаянса (Алексеева 1975: табл. 5). Имеется также два экземпляра подвесок в виде амфорисков с ушком для подвешивания (рис. 13: 14, 15). В классификации Е.М. Алексеевой такие вещи относятся к типам 35—38 (Алексеева 1975: табл. 6, 8, 11). Отдельное место занимает бусина в виде скарабея (рис. 13: 13). Предмет имеет овальную форму, рельефно оформленную спинку и нижнюю плоскость с резным знаком, и соотносится с типами 41—53 (Алексеева 1975: табл. 9—10). Подобные бусины в античной среде обычно рассматриваются как предметы с выраженной апотропейной семантикой.

Красные и оранжево-красные янтарные бусины образуют самостоятельную немногочисленную группу (рис. 13: 23—27, 29). Они представлены округлыми и уплощенными формами.

Таким образом, функционально весь комплекс бусин и подвесок можно разделить на три группы. Первая группа — элементы личных украшений: ожерелий, браслетов, низок и подвесок. К ней относятся крупные гагатовые, сердоликовые, агатовые, янтарные, хрустальные, фаянсовые и ребристые бусины, а также часть медных пронизей. Вторая группа — элементы нашивного декора одежды или покрывала: мелкий бисер, многочисленные однотипные мелкие пронизи, возможно часть трубчатых, кольцевидных и металлических элементов. Третья группа — амулетоподобные предметы: скарабей, зооморфная гагатовая пронизь, фигурные подвески египетского фаянса, отдельные цветные бусины. Эти вещи могли одновременно выполнять декоративную и защитную функции.

Керамические сосуды

Краснолаковая чаша представляет собой небольшой открытый краснолаковый сосуд полусферической формы на низком кольцевом поддоне (рис. 14). Тулово плавно округлое, стенки равномерно изогнуты, край слегка отогнут наружу и профилирован. На внешней стороне дна, в пределах поддона, процарапано двухбуквенное граффито «AN». Очевидно, что оно передает начальные буквы имени Аннион (Ἄννιον). Если это чтение верно, оно особенно существенно в связи с именем, зафиксированным на надгробии. По форме сосуд относится к группе малых полусферических краснолаковых чаш. В типологии Д.В. Журавлева он наиболее близок типу 23 (Журавлев 2010: тип 23). У Е. Кюнхельт ближайшее соответствие дает форма S-3a конца I — начала II вв. н.э. (Kühnelt 2008: Form S-3a, Kat.-Nr. 236).

Также в составе инвентаря присутствует две группы красноглиняных одноручных закрытых сосудов. Их объединяют вытянутое тулово, узкое горло, одна высокая ручка и небольшое кольцевое или дисковидное основание. Первую группу образуют два высоких кувшина с вытянутым овально-грушевидным туловом, плавно переходящим в плечики, относительно узким горлом и отогнутым венчиком (рис. 15: 1, 2). Ручка высокая, петлевидная, соединяет верхнюю часть горла с плечиком. Вторую группу образуют два меньших по размеру сосуда, типологически близкие с позднеэллинистическими веретенообразными бальзамариями с округло-биконическим туловом и высоким расширяющимся к краю горлом (рис. 15: 3, 4). Оба сосуда имеют петлевидные ручки, аналогичные по форме предыдущей группе. У одного из сосудов на поверхности сохранились остатки декоративного оформления в виде полос черной, розовой и голубой краски.

Изделия из медного сплава и серебра

В комплексе присутствует две фибулы. Первая выполнена в виде птицы с распростертыми крыльями (рис. 16: 1). На оборотной стороне сохранились элементы застежного устройства. По типологии находка относится к кругу римских фигурных или зооморфных фибул. Э. Риха выделяет фигурные фибулы с металлическими вставками в тип 7.23. К варианту 7.23.1 относятся полурельефные, плоские с оборотной стороны фибулы в виде животных (Riha 1994: 170, 171, Taf. 46: 2907—2911) (рис. 16).

Широкий типологический контекст для такой находки дает классификация М. Фежера, посвященная римским фибулам Южной Галлии. В его системе зооморфные фибулы входят в тип 29, объединяющий изделия, у которых дуга или корпус оформлены в виде животного или, шире, живого существа. Среди вариантов типа 29a представлены и авиморфные формы (Feugère 1985: 381—394, fig. 59).

Хронологически авиморфные и вообще зооморфные фибулы имеют достаточно широкий диапазон бытования. По материалам Аугста фибулы типа 7.23 с металлическими вставками в основном относятся к раннеимперскому времени; для ряда стратифицированных экземпляров указываются контексты I в. н.э., включая нероновско-флавиевский горизонт (Riha 1979: 200; 1994: 170, 171). М. Фежер также отмечает, что наиболее простые авиморфные фибулы появляются не позднее 40-х гг. I в. н.э., а развитие зооморфных серий продолжается до середины II в.; для отдельных вариантов возможен более широкий период бытования, вплоть до II—III вв. н.э. (Feugère 1985: 393, 394).

Вторая фибула относится к кругу провинциально-римских дисковидных, или колесовидных, шарнирных фибул (рис. 16: 2). Изделие имеет округлый прорезной щиток: внешний контур образован широким кольцом, по краю которого расположены небольшие выступы; центральная часть оформлена в виде ромбовидного поля, соединенного с внешним кольцом четырьмя перемычками. Между центральным полем и наружным кольцом образованы четыре симметричные прорези, благодаря чему вся композиция воспринимается как колесо. В центре помещено круглое гнездо для утраченной стеклянной вставки, а вокруг него на лицевой стороне имеются концентрические врезные окружности. На оборотной стороне сохранились элементы шарнирного застежного устройства.

По классификации В.В. Кропотова эта находка относится к группе 16 — броши с шарниром из двух стоек, форме 8 (Кропотов 2010: 305, рис. 90: 4, 5). Она же соотносится с группой простых колесовидных фибул типа 7.6 по Э. Риха (Riha 1979: 183, Taf. 59: 1554—1561; 1994: 156, Taf. 40: 2796—2799). В классификации немецкой исследовательницы эти изделия определены как Radförmige Fibeln mit Mittelzier — колесовидные фибулы с центральным украшением. Она отмечает, что традиция колесовидной формы сохранялась и позднее, вплоть до второй половины II в. н.э., что подтверждается более поздними вариантами с иным декоративным исполнением (Riha 1979: 183). В типологии М. Фежера рассматриваемая находка соответствует типу 28a — фибулам в форме колеса (fibules en forme de roue), входящим в более широкую группу 28, объединяющую шарнирные фибулы, корпус которых воспроизводит различные предметные формы (Feugère 1985: 373). При этом хронологические оценки у исследователей разнятся: если В. В. Кропотов датирует простые колесовидные фибулы второй — третьей четвертью I в. н.э. (Кропотов 2010: 305), то Фежер для типа 28a допускает более позднее появление, предпочитая относить его к первой половине II в. н.э. (Feugère 1985: 375).

Кроме того, в комплексе обнаружено две пружинки миниатюрных одночленных фибул (рис. 16: *3, 4*), а также застежка пружинной фибулы-брошки (рис. 16: 5).

К украшениям и элементам костюма относится серебряный браслет (рис. 16: 15). Он представляет собой проволочный обруч, концы которого заведены внахлёст и дополнительно укреплены несколькими витками проволоки. Подобные украшения, как бронзовые, так и серебряные, золотые, гладкие и витые, характерны для комплексов II — начала III вв. н.э. (напр.: Свиридов, Язиков 2024a: 109, кат. 19; 111, кат. 9; 113, кат. 12;

Свиридов, Язиков 2024б: 88, кат. 9). К этой же группе относятся кольцо (рис. 16: 13) и фрагментированный ободок пряжки (рис. 16: 14).

Особняком стоит подвеска листовидной формы с верхней петлей для подвешивания (рис. 16: 6). На лицевой стороне прослеживается изображение гениталий. Ее форма и наличие рельефа позволяют рассматривать изделие как предмет не только декоративный, но и потенциально амулетный.

Другая подвеска представлена в форме двухлезвийного топорика-кирки (рис. 16: 9). Изделие относится к группе металлических топоровидных подвесок, распространенных в Крыму в римское время, типу 2 по классификации А.А. Стояновой (Стоянова 2005: 47, рис. 1: II). В этой группе А.А. Стоянова учитывала двадцать экземпляров «топоров-кирок», происходящих из Беляуса, Гурзуфского Седла, Заветного, Кольчугино, Левадок, Совхоза № 10, Усть-Альмы и Херсонеса; длина таких изделий обычно составляет 2,1—3,7 см (Стоянова 2005: 47—49, рис. 1: 8—19).

Особенно важны для интерпретации близкие находки из Херсонеса. В каталоге А.А. Стояновой среди херсонесских материалов учтено пять бронзовых подвесок типа 2 (Зубарь, Мещеряков 1983: 102—113; Стоянова 2005: 52—53, кат. 12, рис. 1: 4—7, 12). Более того, концентрация подобных находок в Юго-Западном Крыму позволила исследовательнице предполагать, что одним из центров их изготовления мог быть именно Херсонес (Стоянова 2005: 49). Хронологически металлические подвески-топорики типов 1 и 2 в Крыму относятся преимущественно к концу I в. до н.э. — первой половине II в. н.э. (Стоянова 2005: 49). Для типа 2 особенно показательны находки из Кольчугино, связанные с комплексом второй половины I в. до н.э. — I в. н.э., и из Гурзуфского Седла, происходящие из ритуального комплекса с инвентарем второй половины I в. до н.э. — середины II в. н.э. (Стоянова 2005: 49, 52; Новиченкова 2020: 161). В.М. Зубарь, рассматривая топоровидные подвески из некрополя Херсонеса, связывал их с почитанием солнечного божества и культом плодородия; эта интерпретация была затем привлечена А.А. Стояновой и Н.Г. Новиченковой при анализе крымских находок (Зубарь 1982: 102, 103; Стоянова 2005: 49; Новиченкова 2020: 161).

К этой же группе амулетных изделий относится кольцо с выступами-«шишечками» (рис. 16: 8) (Журавлев 2014: 59—60, рис. 1). Типологически находка может быть сопоставлена с подтипом I по А.В. Богачеву — кольцами с тремя выпуклинами —«шишечками» в одной точке сечения: одной на внешней стороне окружности и двумя по сторонам (Богачев 1998: 153; Журавлев 2014: 62). Хронологически такие изделия особенно характерны для крымских могильников I—III вв. н.э.

В составе металлического инвентаря гробницы Аннион представлены три бронзовых колокольчика (рис. 16: 10—12). Все они относятся к группе небольших тонкостенных подвесных изделий округло-конической или полусферической формы. Корпус колокольчиков изготовлен из тонкого листового металла, вероятно путем холодной формовки; в верхней части было устроено отверстие, через которое пропускалась проволока. Наружная петля служила для подвешивания, внутренняя — для крепления язычка. У части экземпляров сохранились остатки железного била. Именно такая конструкция — тонкостенный корпус, верхнее отверстие, проволочная петля и внутреннее крепление язычка — характерна для типа 1 по классификации А.А. Труфанова (Труфанов 2022: 227—230, рис. 3—5). По форме херсонесские находки наиболее близки к вариантам 1.2—1.3 этого типа. Вариант 1.2 объединяет небольшие округло-конические колокольчики со скошенными выпуклыми стенками, плавно переходящими в скругленную верхнюю часть. А. А. Труфанов отмечает, что именно такие изделия были наиболее массовой группой в Усть-Альминском некрополе и широко бытовали в предгорном Крыму во второй половине I — первой половине III в. н.э. (Труфанов 2022: 230—233, рис. 3: 6—26, 4: 1—12). Вариант 1.3 представлен более крупными тонкостенными полусферическими колокольчиками с отверстием для проволочной петли; их наибольшее распространение в Крыму приходится на вторую половину I — первую половину II в. н.э. (Труфанов 2022: 233—235, рис. 5).

В более широкой типологической традиции эти предметы соответствуют тонкостенным полусферическим или округло-коническим бронзовым колокольчикам, которые Э.А. Сымонович выделял среди материалов некрополя Неаполя Скифского как первую типологическую группу (Сымонович 1983: 98, табл. XLIV: 5—11, 14—17, 21, 35). Близкие формы известны также в могильниках Заветное, Нейзац, Бельбек IV, Опушки, Совхоз 10 и других памятниках Крыма первых веков н.э. (Богданова 1989: 52, табл. XVII; Стоянова 2016: 141, рис. 5—6; Труфанов 2022: 230—235). В. Новаковски относил небольшие конические колокольчики без литых ручек к числу «варварских» форм, отличая их от более сложных литых провинциально-римских изделий (Nowakowski 1988: 116; Труфанов 2022: 230).

Функционально такие колокольчики следует связывать с группой подвесок-апотропеев. Их звуковой эффект мог восприниматься как средство защиты умершей и погребального убора от вредоносных сил. В крымских ритуальных и погребальных комплексах колокольчики неоднократно рассматриваются именно как охранительные предметы. Н.Г. Новиченкова включает их в группу металлических апотропеев наряду с антропоморфными и зооморфными подвесками, кольцами с выступами и другими амулетами. В материалах святилища у перевала Гурзуфское Седло полусферические колокольчики также входят в круг миниатюрных металлических амулетов (Новиченкова 2020: 157, 162).

Округло-конические тонкостенные колокольчики варианта 1.2 широко бытовали во второй половине I — первой половине III в. н.э., тогда как более крупные полусферические экземпляры варианта 1.3 особенно характерны для второй половины I — первой половины II в. н.э. (Труфанов 2022: 232—235).

Детали деревянной шкатулки

В составе находок из гробницы Аннион выделяется серия фрагментированных предметов из медного сплава и железа, которые следует связывать с фурнитурой деревянной шкатулки или небольшого ларца. Сохранность изделий неодинакова: часть пластин сильно корродирована и деформирована, отдельные отверстия и края перекрыты продуктами окисления, однако совокупность признаков — наличие пластинчатых накладок, деталей ригельного запора, вероятных петель, ручки и фрагментов ключа или запорного механизма — позволяет рассматривать эти находки как остатки запирающегося деревянного контейнера. Для подобных предметов характерна именно такая археологическая ситуация: органическая основа обычно не сохраняется, тогда как металлическая фурнитура позволяет реконструировать конструкцию шкатулки по накладкам, ригелям, задвижкам, петлям, ручкам и ключам (Труфанов 2020: 163—164) (рис. 17).

К деталям корпуса и крышки, вероятно, относятся фрагменты пластинчатых накладок (рис. 17: 1—9). Это тонкие прямоугольные или подпрямоугольные пластины, часть которых имеет следы креплений или заклепок. Они могли прикрывать лицевую часть шкатулки, укреплять край крышки, оформлять торцы корпуса или закрывать элементы замкового устройства. В конструкциях римского времени такие пластины крепились на передней стенке шкатулки, прикрывали замок и могли иметь отверстия для ключа и ригеля (Труфанов 2020: 164—166, рис. 3—5).

Наиболее важной деталью запорного устройства является ригельная планка или внешняя пластина крышки с креплениями ригеля. Она представляет собой прямоугольную пластину с растительным орнаментом в виде побега или стилизованной пальметты (рис. 17: 10). На оборотной стороне имеются два выступающих крепежных элемента. Подобные элементы располагались над основной замочной накладкой и были связаны с системой ригелей, особенно в более сложных шкатулках с парными запорами (Труфанов 2020: 166, рис. 5: 4—7). Орнаментированная лицевая сторона показывает, что запорный механизм одновременно выполнял декоративную функцию: фурнитура не только обеспечивала закрывание шкатулки, но и оформляла ее как нарядный предмет личного обихода.

С внутренней частью замкового механизма, вероятно, связана удлиненная пластина с раздвоенным верхним краем. По форме она может быть определена как задвижка или засов шкатулки (рис. 17: 12). В подобных механизмах выступы ключа входили в отверстия задвижки и позволяли сдвигать ее, открывая или запирая крышку. Ажурные задвижки с несколькими отверстиями характерны для фурнитуры шкатулок из погребений Крыма второй половины I — первой половины III в. н.э. (Труфанов 2020: 167—168, рис. 7). К запорному устройству, вероятно, относятся также железные фрагменты (рис. 17: 26—28).

К элементам подвижного соединения крышки и корпуса относится несколько фрагментов (рис. 17: 15, 17, 18, 23, 24). Эти фрагменты имеют признаки петель, скоб или шарнирных креплений. В конструкциях шкатулок крышка могла соединяться с корпусом пластинчатыми шарнирами или более простыми проволочными петлями, концы которых вбивались в деревянную основу (Труфанов 2020: 166, 167, рис. 6). Сохранилась также дугообразная ручка с загнутыми окончаниями (рис. 17: 11). По форме она близка подвижным ручкам или скобам, которые крепились к корпусу или крышке деревянного ларца. Аналогичные ручки и скобы выделяются среди металлических деталей шкатулок римского времени как один из устойчивых элементов их фурнитуры (Труфанов 2020: 172, 173, рис. 12).

К числу наиболее показательных деталей относится тонкий цилиндрический костяной стержень с профилированными участками и двумя бронзовыми зажимами (рис. 17: 33). Прямой аналогией является крепеж из могилы 176 могильника Бельбек IV (Гущина, Журавлев 2016: табл. 113: 6—10). Его присутствие усиливает реконструкцию деревянной шкатулки: наряду с пластинчатыми накладками, ригельной планкой, задвижкой, ручкой и петлями в комплексе сохранился элемент крепления крышки, выполненный из кости и бронзы.

Четыре бронзовых кольца также могут быть связаны с системой креплений шкатулки (рис. 17: 29—32). Они имеют примыкающий крепежный узел. Такие кольца могли служить подвижными ручками, подвесными кольцами или элементами крепления крышки.

В функциональном отношении шкатулка из гробницы Аннион должна рассматриваться как часть женского погребального набора. В ней могли храниться украшения, бусы, косметические вещества, пигменты, нити, мелкие инструменты или иные личные вещи. В погребальном контексте шкатулка была не только утилитарным контейнером, но и маркером личного пространства умершей, связанного с туалетом, украшениями, хранением ценных вещей и представлением о женском статусе.

Наконец, среди металлических предметов выделяются железный нож и два ножевидных предмета. Их следует рассматривать как часть бытового и личного набора, сопутствующего погребению. В условиях сильной коррозии точная реконструкция формы затруднена, однако вытянутые клинковидные очертания, остатки рукоятных частей и следы креплений позволяют отнести их к группе небольших ножей или ножевых принадлежностей, которые могли находиться рядом с деревянной шкатулкой, предметами туалета и текстильным набором (рис. 18).

Терракоты

Терракотовые изделия из гробницы Аннион представлены тремя статуэтками мальчика с голубем и одной отдельной фрагментированной статуэткой, изображающей хвостовую часть птицы (рис. 19).

Из трех однотипных фигурок мальчика одна сохранилась почти полностью и была на момент подготовки публикации полностью отреставрирована (рис. 19: 2), две другие представлены развалами. Фигура изображает сидящего обнаженного пухлотелого мальчика с короткой насеченной прической. Ноги согнуты, корпус фронтальный, руки сведены к груди и прижимают голубя. На поверхности сохранились следы светлого ангоба; на волосах заметны остатки красной краски.

Ближайшей аналогией является вотивная статуэтка сидящего мальчика из могильника в Инкерманской долине, происходящая из насыпи некрополя. Статуэтка датирована II — первой половиной III в. н.э. и определена как изделие местного производства (Шевченко 2016: 80, кат. 445, табл. LXX). В качестве более широких аналогий для этого типа А.В. Шевченко указывает статуэтку из каталога Р.А. Хигинса (Higgins 1954: nos. 836, 837) и «храмового мальчика» из святилища Ахилла-Понтарха с о. Левка (Клейман 1970: 24, табл. 1: 1). Иконографически статуэтки мальчика с голубем относятся к кругу вотивных и погребальных терракот, в которых детский образ соединяется с птицей как символически значимым атрибутом. В херсонесской традиции птицы могли иметь разную семантику: в каталоге А.В. Шевченко специально отмечено, что голубь связан с Афродитой, тогда как с хтонической стороной культов соотносились конь, собака и петух (Шевченко 2016: 16), а образ «толстого обнаженного мальчика» со времени классической эпохи связывался с культом подземных богов — кабиров, причем характер этого образа сохранялся на протяжении всего античного периода (Шевченко 2016: 80, кат. 445).

Другая фрагментированная полая терракотовая статуэтка представляет собой вытянутую хвостовую часть птицы, однако фрагментарность не позволяет выполнить полную реконструкцию.

Антропологические материалы[2]

Антропологическое изучение костных остатков из плитовой гробницы существенно уточняет состав погребенных и позволяет соотнести археологические данные с эпиграфическими памятниками комплекса. Основной костяк из гробницы Аннион представлен останками молодой женщины. На это указывают грацильность черепа и посткраниального скелета, женские признаки таза и крестца, а также комплекс краниологических признаков: острая форма верхнего глазничного края, слабое развитие надбровья, грацильная нижняя челюсть, слабый наружный рельеф затылочной кости. Возраст умершей по состоянию зубной системы определяется в пределах 20—24 лет. Дополнительным показателем молодого возраста является то, что гребень подвздошной кости сросся незадолго до смерти. Среди индивидуальных особенностей отмечены добавочные косточки в ламбдовидном шве, асимметричное развитие мыщелкового канала затылочной кости, а также одна линия эмалевой гипоплазии, свидетельствующая о перенесенном в детстве эпизоде физиологического стресса.

Эти данные имеют принципиальное значение для интерпретации комплекса. Надгробная стела Аннион сообщает, что умершая была дочерью Эсхина, сына Героида, и умерла в возрасте 18 лет, что делает этот памятник особенно важным для сопоставления эпиграфических и антропологических данных. Биологический возраст основного костяка в целом с учетом вероятной погрешности, коррелируется с возрастом в эпитафии. С учетом пола и молодого возраста именно этот костяк наиболее вероятно следует соотносить с умершей, названной в эпитафии.

Более сложной является интерпретация второго костяка, находившегося западнее. Антропологическое заключение определяет его как комплектное детское погребение. Возраст ребенка по развитию зубной системы составляет 6—7 лет. Череп грацильный, овоидный, нижняя челюсть также грацильная; размеры длинных костей соответствуют детскому возрасту. Среди патологических и индивидуальных особенностей отмечены cribra orbitalia, поротизация в области нижнего края грушевидного отверстия, асимметрия черепа и добавочные косточки в ламбдовидном шве. Наличие cribra orbitalia и поротизации может указывать на перенесенные в детстве стрессовые состояния, связанные с анемией, инфекционными нагрузками или нарушениями питания, однако без специальных исследований причины этих изменений не могут быть определены однозначно.

[2] Антропологические определения выполнены старшим научным сотрудником НИЦ Истории и археологии Крыма Крымского Федерального университета имени В.И. Вернадского В.Ю. Радочиным.

Именно этот второй костяк создает основное противоречие между ожидаемой эпиграфической и антропологической реконструкцией комплекса. Поскольку в архитектурной и эпиграфической программе гробницы присутствуют мужские имена аристоновской группы, можно было бы ожидать выявления взрослого мужского погребения. Это обстоятельство требует осторожности в интерпретации: надгробные стелы комплекса отражают более широкий семейный или родовой мемориальный контекст, тогда как состав сохранившихся костных остатков фиксирует конкретный этап использования гробницы, в котором центральное место занимало погребение молодой женщины, вероятно Аннион, и связанное с ним детское погребение.

Особенно важным в этом отношении является смещенное положение костей обоих индивидов. Оно позволяет предполагать, что останки молодой женщины и ребенка были перенесены в гробницу после первичного разложения тела или были нарушены при последующем подзахоронении. Такая ситуация хорошо согласуется с архитектурными наблюдениями: по фасаду гробницы прослеживается участок каменного заклада, откуда, вероятно, совершалось подзахоронение. Следовательно, камера могла использоваться не как одноразовое погребальное сооружение, а как семейная гробница, доступ к которой сохранялся или возобновлялся для помещения новых останков.

Заключение

Таким образом, плитовая гробница Аннион представляет собой один из наиболее выразительных погребальных комплексов римского времени, исследованных в некрополе Южного пригорода Херсонеса Таврического. Ее значение определяется не только богатством инвентаря, но прежде всего положением в структуре монументального мемориального участка, сформированного в непосредственной связи с дорогой, ведущей к городским воротам. В этом отношении рассматриваемый комплекс является важным свидетельством того, как в первые века н.э. пригородное пространство Херсонеса переосмыслялось в рамках римской погребальной культуры.

Архитектурно гробница была организована как наземное камерное сооружение, включенное в общий мемориальный ансамбль. Ее фасадное оформление показывает, что сооружение было рассчитано не только на помещение останков, но и на внешнюю репрезентацию. Гробница воспринималась как видимый надмогильный памятник, обращенный к пространству дороги и включенный в практики поминовения. В этом проявляется характерная для римского времени логика «погребальной улицы», где память об умерших становилась частью архитектурно оформленного публичного пространства.

Эпиграфический материал позволяет рассматривать комплекс как семейный или родовой мемориальный участок. Надгробия Аннион, Аристона, сына Аттины, Аристона, сына Аристона, и Боиска, сына Аристона, образуют единую группу, связанную с представителями одного круга. Особенно важна повторяемость имени Аристон и связь этой группы с лицами, известными по херсонесским надписям первой половины II в. н.э. Вместе с тем стела Аннион занимает в комплексе особое место: имя Ἄννιον ранее не было засвидетельствовано в херсонесской эпиграфике, а указание возраста умершей позволяет непосредственно сопоставлять надпись с антропологическими данными.

Хронологически основной погребальный набор из гробницы следует относить к последней трети I — началу II в. н.э. При этом архитектурное оформление, установка стел и дальнейшее функционирование семейного мемориального участка со склепом-колумбарием могли продолжаться до середины II в.

Отдельное значение комплекс Аннион имеет и в контексте современной музеефикации археологического наследия Херсонеса. После завершения археологических исследований наземный мемориальный комплекс с гробницей Аннион, склепом-колумбарием и связанными с ними надгробными памятниками был подвергнут комплексной цифровой фиксации, неразрушающей разборке, переносу и реставрации методом анастилоза. Необходимость такого

решения была обусловлена как состоянием сохранности конструкций, так и невозможностью надежной музеефикации in situ в условиях высокого уровня воды в тальвеге Херсонесской балки (Глазунов и др. 2023: 24—34). Для переноса и восстановления сооружений была разработана специальная методика: каждый каменный блок фиксировался, маркировался, сканировался, проходил реставрационную обработку и затем устанавливался на новом месте в соответствии с проектной документацией и трехмерными моделями[3] (Низов и др. 2024: 324—325).

В результате гробница Аннион перестала быть только объектом археологического исследования и стала частью музейной экспозиции (рис. 20). Сегодня восстановленный комплекс представлен на новой экспозиционной площадке у Музея Античности и Византии, где он воспринимается уже как один из ключевых памятников римского некрополя Южного пригорода. Его современное экспонирование позволяет соединить научную реконструкцию погребального обряда, архитектуры и семейной мемориальной практики с задачами публичной археологии и сохранения античного наследия Херсонеса. С этой точки зрения комплекс Аннион важен не только как источник по истории римского Херсонеса, но и как пример современного подхода к сохранению, реставрации и музейному показу монументальной античной архитектуры.

Литература

Алексеева Е.М. 1975. *Античные бусы Северного Причерноморья*. Т. 1. Москва: Наука (САИ Г1-12).

Алексеева Е.М. 1978. *Античные бусы Северного Причерноморья*. Т. 2. Москва: Наука (САИ Г1-12).

Алексеева Е.М. 1982. *Античные бусы Северного Причерноморья*. Т. 3. Москва: Наука (САИ Г1-12).

Богачев А.В. 1998. Кольцевые подвески с выпуклинами I тыс. н.э. В: Сташенков Д.А. (ред.). *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Материалы II Международной археологической конференции 17—20 ноября 1997 г*. Самара. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 151—166.

Богданова Н.А. 1989. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное. В: Абрамова М.П. (отв. ред.). *Археологические исследования на юге Восточной Европы*. Москва: ГИМ, 17—70 (Труды ГИМ 70).

Буйских А.В. 2008. *Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху*. Симферополь: Крымское отделение Института востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины (МАИЭТ. Suppl. 5).

Вахонеев В.В. 2025. Кремационные площадки I—II вв. н.э. на некрополе Херсонеса Таврического: археологический анализ и культурный контекст. *РА* 4, 53—69.

Ворошилова О.М. 2018. Пиксиды позднеантичной Фанагории. *ПИФК* 4 (62), 122—134.

Глазунов и др. 2023: Глазунов В.В., Букатов А.А., Вахонеев В.В., Ефимова Н.Н., Панченко В.В. 2023. Геоморфология и водоснабжение прибрежной территории Херсонеса Таврического у Карантинной бухты по данным междисциплинарных исследований. *МАИЭТ* 28, 24—43.

Гущина И.И., Журавлев Д.В. 2016. *Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. Труды ГИМ*. Вып. 205. Ч. 2.

Журавлев Д.В. 2010. *Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I—III вв. н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины)*. Симферополь: Крымское отделение Института востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины (МАИЭТ. Suppl. 9).

Журавлев Д.В. 2014. «Браслеты» и кольца с выступами из позднескифских и сарматских памятников Северного Причерноморья. *ПИФК* 1 (43), 59—85.

Журавлев и др. 2017: Журавлев Д.В., Новикова Е.Ю., Коваленко С.А., Шемаханская М.С. 2017. *Золото Херсонеса Таврического. Ювелирные изделия из собрания Государственного исторического музея*. Москва: ООО «РИА Внешторгиздат».

Зубарь В.М. 1982. *Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н.э*. Киев: Наукова думка.

Зубарь В.М., Мещеряков В.Ф. 1983. Некоторые данные о верованиях населения Херсонеса (по материалам некрополя первых веков н.э.). В: Высотская Т.Н. (отв. ред.). *Население и культура Крыма в первые века н.э*. Киев: Наукова думка, 96—113.

Клейман И.Б. 1970. Терракоты с о. Левка (Белого острова) и из святилища Ахилла Понтарха. В: Кобылина М.М. (отв. ред.). *Терракоты Северного Причерноморья*. Ч. I—II. Москва: Наука, 24—27 (САИ Г1-11).

[3] Трехмерная модель выполнена сотрудниками Центра спасательной археологии ИИМК РАН и представлена на сайте sketchfab.com (sketchfab.com: 1).

Кропотов В.В. 2010. *Фибулы сарматской эпохи*. Киев: АДЕФ-Украина.

Низов Я.А., Фаустов М.А., Малай Р.С. 2024. Методика неразрушающей разборки, сохранения и музеефикации археологических объектов. *Бюллетень Института истории материальной культуры РАН* 15, 324—332.

Новиченкова Н.Г. 2020. Металлические амулеты из святилища у перевала Гурзуфское Седло. В: *Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. IV международная научная конференция*. Т. 1. Москва: ИВ РАН, 157—163.

Павличенко Н.А. 2024. Лапидарные надписи. *Бюллетень Института истории материальной культуры РАН* 15, 290—295.

Пятышева Н.В. 1956. *Ювелирные изделия Херсонеса. Конец IV в. до н.э. — IV в. н.э. Коллекция Государственного исторического музея.* Москва: Госкультпросветиздат (Труды ГИМ. Памятники культуры. Вып. 18).

Сапрыкин С.Ю. 1998. Херсонесская проксения синопейцу. *ВДИ* 4, 41—58.

Свиридов А.Н., Язиков С.В. 2024а. *Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму*. Ч. 2. *Материалы спасательных археологических исследований*. Т. 33. Ч. 2. Москва: ИА РАН.

Свиридов А.Н., Язиков С.В. 2024б. *Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму*. Ч. 3. Москва: ИА РАН (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 33. Ч. 3).

Соловьева Н.Ф., Виноградов Ю.А., Мыц В.Л., Соловьев С.Л., Вахонеев В.В. 2024. Краткие итоги археологических раскопок Южного пригорода Херсонеса. *Бюллетень Института истории материальной культуры РАН* 15, 17—28.

Стоянова А.А. 2005. Металеві підвіски у формі сокирок із Криму. *Археологія* 2, 47—54.

Стоянова А.А. 2016. Подвески могильника Нейзац. *Крым в сарматскую эпоху* II, 122—165.

Сымонович Э.А. 1983. *Население столицы позднескифского царства*. Киев: Наукова думка.

Труфанов А.А. 2020. Металлические детали шкатулок из варварских погребений Крыма I—IV вв. н.э. *История и археология Крыма* XII, 154—189.

Труфанов А.А. 2022. Колокольчики из Усть-Альминского некрополя. В: Храпунов И.Н. (отв. ред.). *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — IV в. н.э.)* VIII, 223—267.

Шевченко А.В. 2016. *Терракоты античного Херсонеса и его ближней сельской округи*. Симферополь: Наследие тысячелетий.

Bartus D. 2007. A római kori csontfaragás és a kisművészetek összefüggései. PhD dissertation. Budapest.

Bârcă V. 2019. Notes on the Origin and Dating of the Bone Pyxides from the Sarmatian Environment between the Don and the Prut. *Plural. History, Culture, Society* 7 (2), 125—151.

Béal J.-C., Feugère M. 1983. Les pyxides gallo-romaines en os de Gaule méridionale. *Documents d'Archéologie Méridionale* 6, 115—126.

Bíró et al. 2012: Bíró M.T., Choyke A.M., Vass L., Vecsey Á. 2012. *Aquincumi csonttárgyak / Bone Objects in Aquincum*. Az Aquincumi Múzeum Gyűjteménye 2. Budapest: Pro Aquinco Foundation.

Feugère M. 1985. *Les fibules en Gaule méridionale de la conquête à la fin du Ve s. ap. J.-C.* Revue archéologique de Narbonnaise. Suppl. 12. Paris: CNRS.

Fünfschilling S. 2015. *Die römischen Gläser aus Augst und Kaiseraugst: Kommentierter Formenkatalog und ausgewählte Neufunde 1981—2010 aus Augusta Raurica*. Basel: Schwabe (Forschungen in Augst 51).

Higgins R.A. 1954. *Catalogue of the Terracottas in the Department of Greek and Roman Antiquities, British Museum*. Vol. I. London: British Museum.

Isings C. 1957. Roman Glass from Dated Finds. *Archaeologica Traiectina* 2.

Kühnelt E. 2008. *Terra Sigillata aus Alma Kermen, Südwest-Krim*. Berlin: Freie Universität Berlin.

Nowakowski W. 1988. Metallglocken aus der römischen Kaiserzeit im europäischen Barbaricum. *Archaeologia Polona* 27, 69—146.

Riha E. 1979. *Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst*. Augst: Amt für Museen und Archäologie des Kantons Basel-Landschaft (Forschungen in Augst 3).

Riha E. 1994. *Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Die Neufunde seit 1975*. Augst: Römermuseum (Forschungen in Augst 18).

Rütti B. 1991. *Die römischen Gläser aus Augst und Kaiseraugst*. Bd. 1. *Text*. Augst: Römermuseum (Forschungen in Augst 13/1).

sketchfab.com: 1: Ancient Roman columbarium. URL: https://sketchfab.com/3d-models/ancient-roman-columbarium-43a5ae374d8a4167b79fffb3150abb6c (дата обращения 12.07.2026).

Ünal C., Özcihan İ., Toy M. 2021. A Group of Roman and Late Antique Bone Objects Found in Ancient Tralleis. *Adalya* 24, 269—296.

References

Alekseeva, E.M. 1975. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya (Ancient beads of the Northern Black Sea region)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources. Iss. G1-12. Vol. 1) (in Russian).

Alekseeva, E.M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya (Ancient beads of the Northern Black Sea region)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources. Iss. G1-12. Vol. 2) (in Russian).

Alekseeva, E.M. 1982. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya (Ancient beads of the Northern Black Sea region)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources. Iss. G1-12. Vol. 3) (in Russian).

Bogachev, A.V. 1998. In: Stashenkov, D.A. (ed.). *Kul'tury evraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n.e. (voprosy khronologii). Materialy II Mezhdunarodnoy arkheologicheskoy konferentsii 17—20 noyabrya 1997 g. (Cultures of the Eurasian steppes in the second half of the 1st millennium CE: questions of chronology. Proceedings of the 2nd International Archaeological Conference, 17—20 November 1997)*. Samara: Samara Regional Museum of History and Local Lore named after P.V. Alabin, 151—166 (in Russian).

Bogdanova, N.A. 1989. In: Abramova, M.P. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya na yuge Vostochnoy Evropy (Archaeological research in the south of Eastern Europe)*. Moscow: GIM, 17—70 (Proceedings of the State Historical Museum 70) (in Russian).

Buiskikh, A.V. 2008. *Prostranstvennoe razvitie Khersonesa Tavricheskogo v antichnuyu epokhu (Spatial development of Tauric Chersonesos in Antiquity)*. Simferopol: Crimean branch of the A.E. Krymsky Institute of Oriental Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine (Materials in Archaeology History and Ethnography of Tauria. Suppl. 5) (in Russian).

Vakhoneev, V.V. 2025. In *Rossiyskaya arkheologiya* (Russian Archaeology) 4, 53—69 (in Russian).

Voroshilova, O.M. 2018. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury* (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies) 4 (62), 122—134 (in Russian).

Glazunov et al. 2023: Glazunov, V.V., Bukatov, A.A., Vakhoneev, V.V., Efimova, N.N., Panchenko, V.V. 2023. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria) XXVIII, 24—43 (in Russian).

Gushchina, I.I., Zhuravlev, D.V. 2016. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu (The Roman-period necropolis of Belbek IV in South-Western Crimea)*. Moscow: Historical Museum (Proceedings of the State Historical Museum. Iss. 205. Pt. 2) (in Russian).

Zhuravlev, D.V. 2010. *Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kryma I—III vv. n.e. (po materialam pozdneskifskikh nekropoley Bel'bekskoy doliny)* (*Red-slip pottery of South-Western Crimea of the 1st — 3rd centuries CE: based on materials from the Late Scythian necropoleis of the Belbek valley)*. Simferopol: Crimean branch of the A.E. Krymsky Institute of Oriental Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine (Materials in Archaeology History and Ethnography of Tauria. Suppl. 9) (in Russian).

Zhuravlev, D.V. 2014. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* 1 (43), 59—85 (in Russian).

Zhuravlev et al. 2017: Zhuravlev, D.V., Novikova, E.Yu., Kovalenko, S.A., Shemakhanskaya, M.S. 2017. *Zoloto Khersonesa Tavricheskogo. Yuvelirnye izdeliya iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Gold of Tauric Chersonesos. Jewellery from the collection of the State Historical Museum)*. Moscow: OOO "RIA Vneshtorgizdat" (in Russian).

Zubar', V.M. 1982. *Nekropol' Khersonesa Tavricheskogo I—IV vv. n.e. (The necropolis of Tauric Chersonesos in the 1st — 4th centuries CE)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Zubar', V.M., Meshcheryakov, V.F. 1983. In: Vysotskaya T.N. (ed.). *Naselenie i kul'tura Kryma v pervye veka n.e. (Population and culture of Crimea in the first centuries CE)*. Kiev: Naukova dumka, 96—113 (in Russian).

Kleiman, I.B. 1970. In: Kobylina, M.M. (ed.). *Terrakoty Severnogo Prichernomor'ya (Terracottas of the Northern Black Sea region)*. Moscow: Nauka, 24—27 (Corpus of Archaeological Sources. Iss. G1-11. Pt. I—II) (in Russian).

Kropotov, V.V. 2010. *Fibuly sarmatskoy epokhi (Fibulae of the Sarmatian period)*. Kiev: ADEF-Ukraina (in Russian).

Nizov, Ya.A., Faustov, M.A., Malay, R.S. 2024. In *Byulleten' Instituta istorii material'noy kul'tury RAN (Bulletin of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences)* 15, 324—332 (in Russian).

Novichenkova, N.G. 2020. In: *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka. IV mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya (Historical, cultural, interethnic, religious and political links of Crimea with the*

Mediterranean region and the countries of the East. 4th International Scientific Conference). Vol. 1. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 157—163 (in Russian).

Pavlichenko, N.A. 2024. In *Byulleten' Instituta istorii material'noy kul'tury RAN (Bulletin of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences)* 15, 290—295 (in Russian).

Pyatysheva, N.V. 1956. *Yuvelirnye izdeliya Khersonesa. Konets IV v. do n.e. — IV v. n.e. Kollektsiya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* (*Jewellery of Chersonesos. Late 4th century BCE — 4th century CE. Collection of the State Historical Museum)*. Moscow: Goskultprosvetizdat (Proceedings of the State Historical Museum. Cultural monuments. Iss. 18) (in Russian).

Saprykin, S.Yu. 1998. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 4, 41—58 (in Russian).

Sviridov, A.N., Yazikov, S.V. 2024a. *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3 v Yugo-Zapadnom Krymu (The Roman-period burial ground of Frontovoe 3 in South-Western Crimea)*. Pt. 2. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Materials of Rescue Archaeological Research. Vol. 33. Pt. 2) (in Russian).

Sviridov, A.N., Yazikov, S.V. 2024b. *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3 v Yugo-Zapadnom Krymu (The Roman-period burial ground of Frontovoe 3 in South-Western Crimea)*. Pt. 3. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Materials of Rescue Archaeological Research. Vol. 33. Pt. 3) (in Russian).

Solovyeva et al. 2024: Solovyeva, N.F., Vinogradov, Yu.A., Myts, V.L., Solovyev, S.L., Vakhoneev, V.V. 2024. In *Byulleten' Instituta istorii material'noy kul'tury RAN (Bulletin of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences)* 15, 17—28 (in Russian).

Stoyanova, A.A. 2005. In *Arkheologiya* (Archaeology) 2, 47—54 (in Ukrainian).

Stoyanova, A.A. 2016. In *Krym v sarmatskuyu epokhu (Crimea in the Sarmatian period)* II, 122—165 (in Russian).

Symonovich, E.A. 1983. *Naselenie stolitsy pozdneskifskogo tsarstva (The population of the capital of the Late Scythian kingdom)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Trufanov, A.A. 2020. In *Istoriya i arkheologiya Kryma (History and Archaeology of Crimea)* XII, 154—189 (in Russian).

Trufanov, A.A. 2022. In Khrapunov, I.N. (ed.). *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. — IV v. n.e.) (Crimea in the Sarmatian period: 2nd century BCE — 4th century CE*) VIII, 223—267 (in Russian).

Shevchenko, A.V. 2016. *Terrakoty antichnogo Khersonesa i ego blizhney sel'skoy okrugi (Terracottas of ancient Chersonesos and its nearby rural territory)*. Simferopol: Nasledie tysyacheletiy (in Russian).

Bartus, D. 2007. A római kori csontfaragás és a kisművészetek összefüggései. PhD dissertation. Budapest.

Bârcă, V. 2019. Notes on the Origin and Dating of the Bone Pyxides from the Sarmatian Environment between the Don and the Prut. *Plural. History, Culture, Society* 7 (2), 125—151.

Béal, J.-C., Feugère, M. 1983. Les pyxides gallo-romaines en os de Gaule méridionale. *Documents d'Archéologie Méridionale* 6, 115—126.

Bíró et al. 2012: Bíró, M.T., Choyke, A.M., Vass, L., Vecsey, Á. 2012. *Aquincumi csonttárgyak / Bone Objects in Aquincum*. Az Aquincumi Múzeum Gyűjteménye 2. Budapest: Pro Aquinco Foundation.

Feugère, M. 1985. *Les fibules en Gaule méridionale de la conquête à la fin du Ve s. ap. J.-C.* Revue archéologique de Narbonnaise. Suppl. 12. Paris: CNRS.

Fünfschilling, S. 2015. *Die römischen Gläser aus Augst und Kaiseraugst: Kommentierter Formenkatalog und ausgewählte Neufunde 1981—2010 aus Augusta Raurica*. Basel: Schwabe (Forschungen in Augst 51).

Higgins, R.A. 1954. *Catalogue of the Terracottas in the Department of Greek and Roman Antiquities, British Museum*. Vol. I. London: British Museum.

Isings, C. 1957. Roman Glass from Dated Finds. *Archaeologica Traiectina* 2.

Kühnelt, E. 2008. *Terra Sigillata aus Alma Kermen, Südwest-Krim*. Berlin: Freie Universität Berlin.

Nowakowski, W. 1988. Metallglocken aus der römischen Kaiserzeit im europäischen Barbaricum. *Archaeologia Polona* 27, 69—146.

Riha, E. 1979. *Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst*. Augst: Amt für Museen und Archäologie des Kantons Basel-Landschaft (Forschungen in Augst 3).

Riha, E. 1994. *Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Die Neufunde seit 1975*. Augst: Römermuseum (Forschungen in Augst 18).

Rütti, B. 1991. *Die römischen Gläser aus Augst und Kaiseraugst*. Bd. 1. *Text*. Augst: Römermuseum (Forschungen in Augst 13/1).

sketchfab.com: 1: Ancient Roman columbarium. Available at: https://sketchfab.com/3d-models/ancient-roman-columbarium-43a5ae374d8a4167b79fffb3150abb6c (accessed 12.07.2026).

Ünal, C., Özcihan, İ., Toy, M. 2021. A Group of Roman and Late Antique Bone Objects Found in Ancient Tralleis. *Adalya* 24, 269—296.

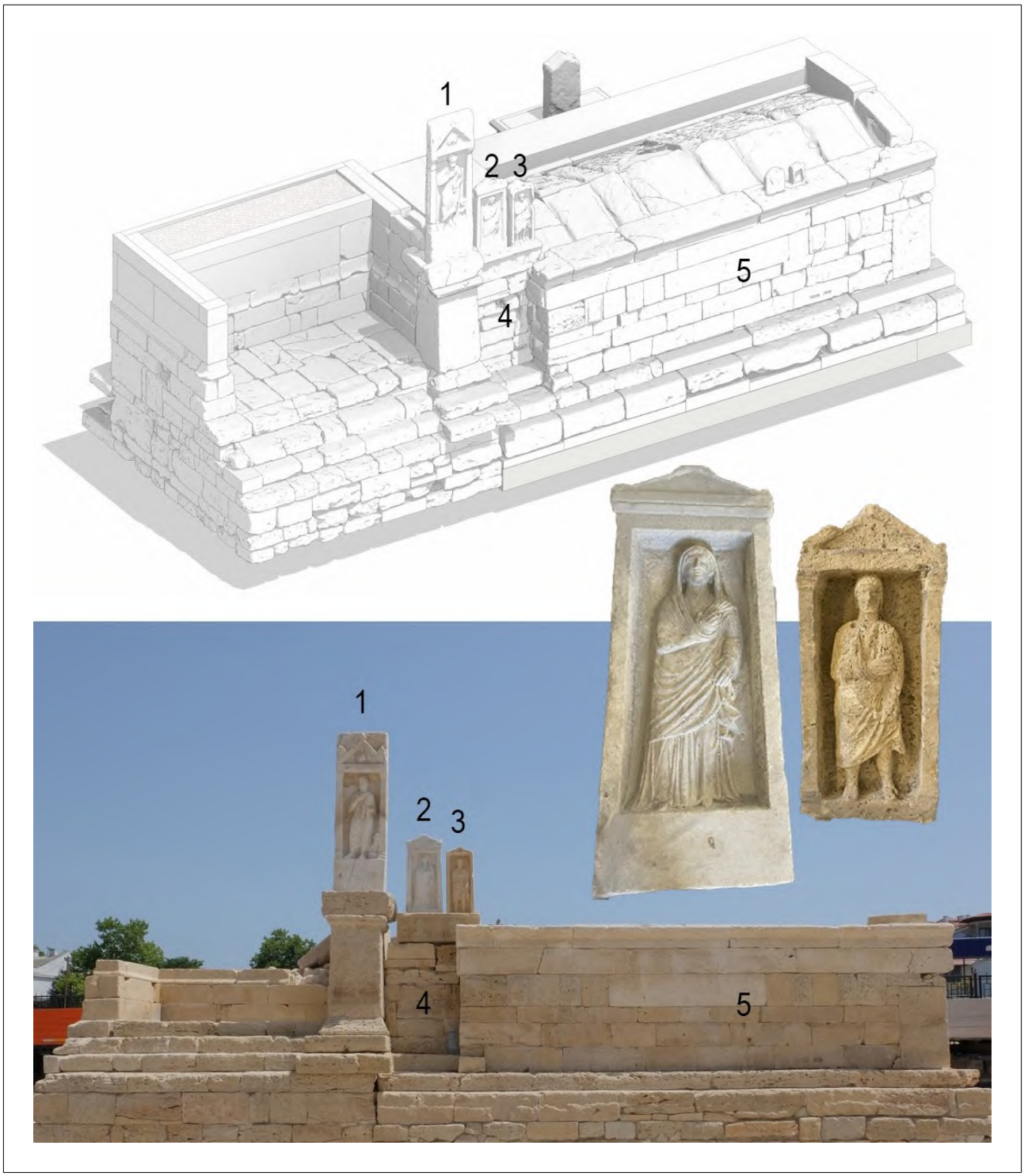

Рис. 1. Погребальный комплекс Аннион и Аристона: *1* — стела Аристона, сына Аристона; *2* — стела Аннион, дочери Эсхина; *3* — стела Аристона, сына Аттины; *4* — гробница Аннион; *5* — склеп-колумбарий. В верхней части рисунка приведена трехмерная реконструкция общего вида комплекса, в нижней — его современное состояние после реставрации.

Fig. 1. The funerary complex of Annion and Ariston: *1* — stele of Ariston, son of Ariston; *2* — stele of Annion, daughter of Aischines; *3* — stele of Ariston, son of Attina; *4* — tomb of Annion; *5* — crypt-columbarium. The upper part of the figure shows a 3D reconstruction of the general appearance of the complex; the lower part shows its present state after restoration.

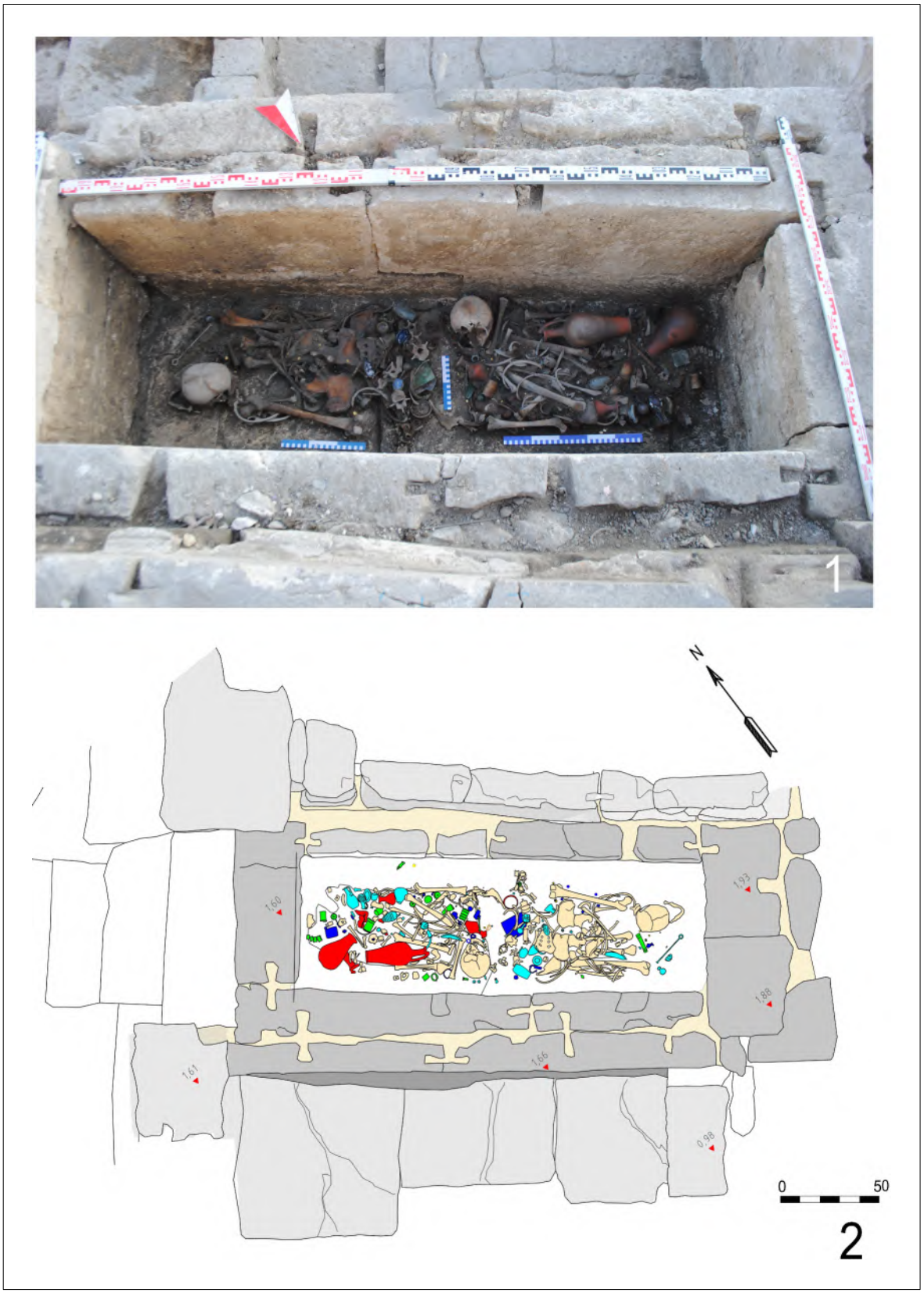

Рис. 2. Плитовая гробница Аннион после снятия перекрывающих плит: *1* — фотофиксация погребения с костными остатками и инвентарем; *2* — планиграфия погребения.

Fig. 2. The slab-built tomb of Annion after the removal of the covering slabs: *1* — photographic record of the burial with skeletal remains and grave goods; *2* — planigraphy of the burial.

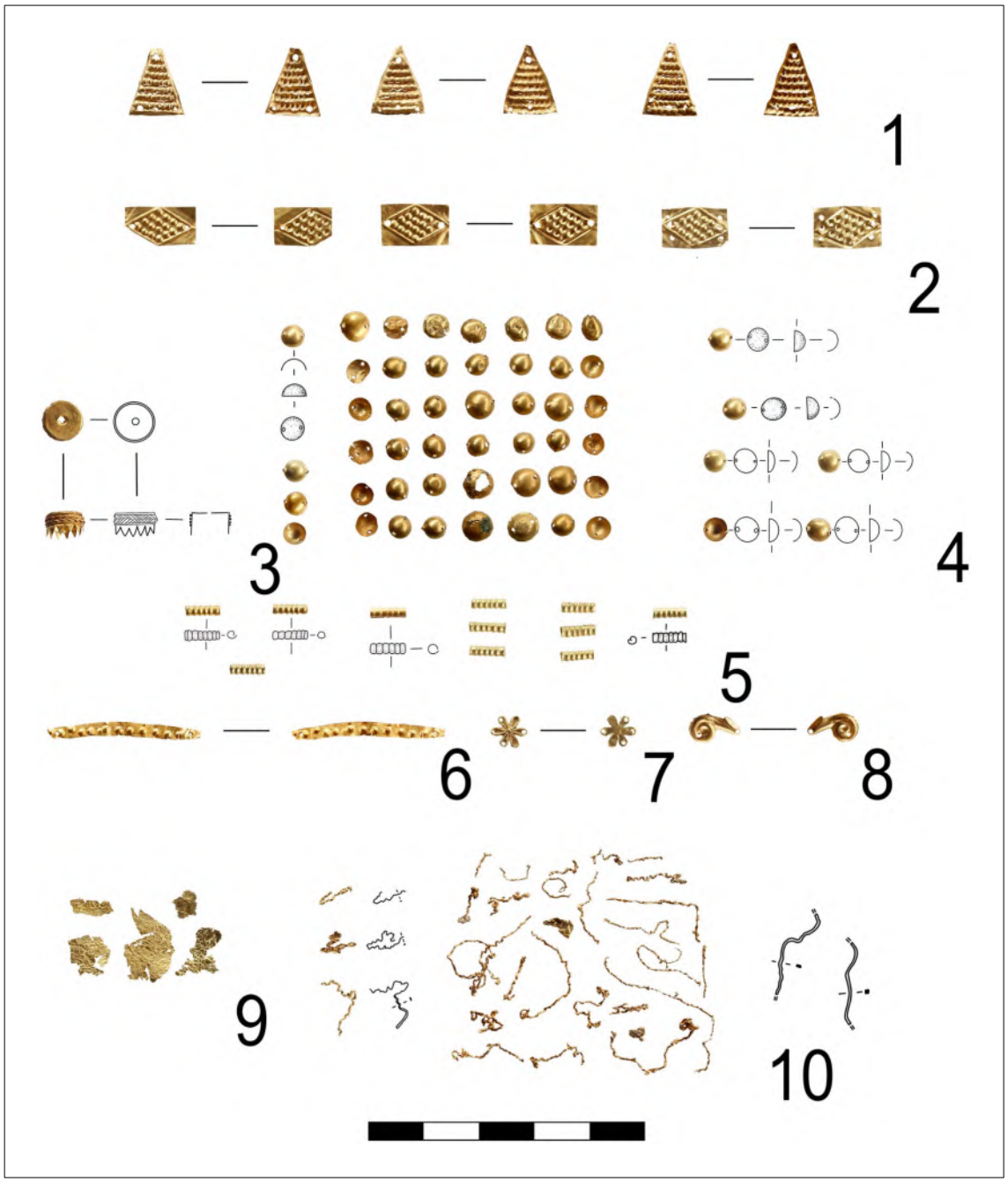

Рис. 3. Золотые нашивные бляшки и детали декоративного убора из гробницы Аннион: *1* — треугольные бляшки с зерненым орнаментом и отверстием для пришивания; *2* — прямоугольные и ромбические бляшки с рельефным орнаментом; *3* — круглая пластина с зубчатым краем и группа полусферических бляшек; *4* — полусферические бляшки и мелкие нашивные элементы; *5* — трубчатые пронизи из золотого листа; *6* — узкие нашивные полоски с рельефным точечным декором; *7* — бляшка-розетка; *8* — спиралевидные декоративные элементы; *9* — фрагменты золотой фольги; *10* — фрагменты золотых нитей.

Fig. 3. Gold sewn plaques and elements of decorative attire from the tomb of Annion: *1* — triangular plaques with granulated ornament and a sewing hole; *2* — rectangular and rhomboid plaques with relief ornament; *3* — round plate with a serrated edge and a group of hemispherical plaques; *4* — hemispherical plaques and small sewn elements; *5* — tubular beads made of gold sheet; *6* — narrow sewn strips with relief dotted decoration; *7* — rosette-shaped plaque; *8* — spiral decorative elements; *9* — fragments of gold foil; *10* — fragments of gold threads.

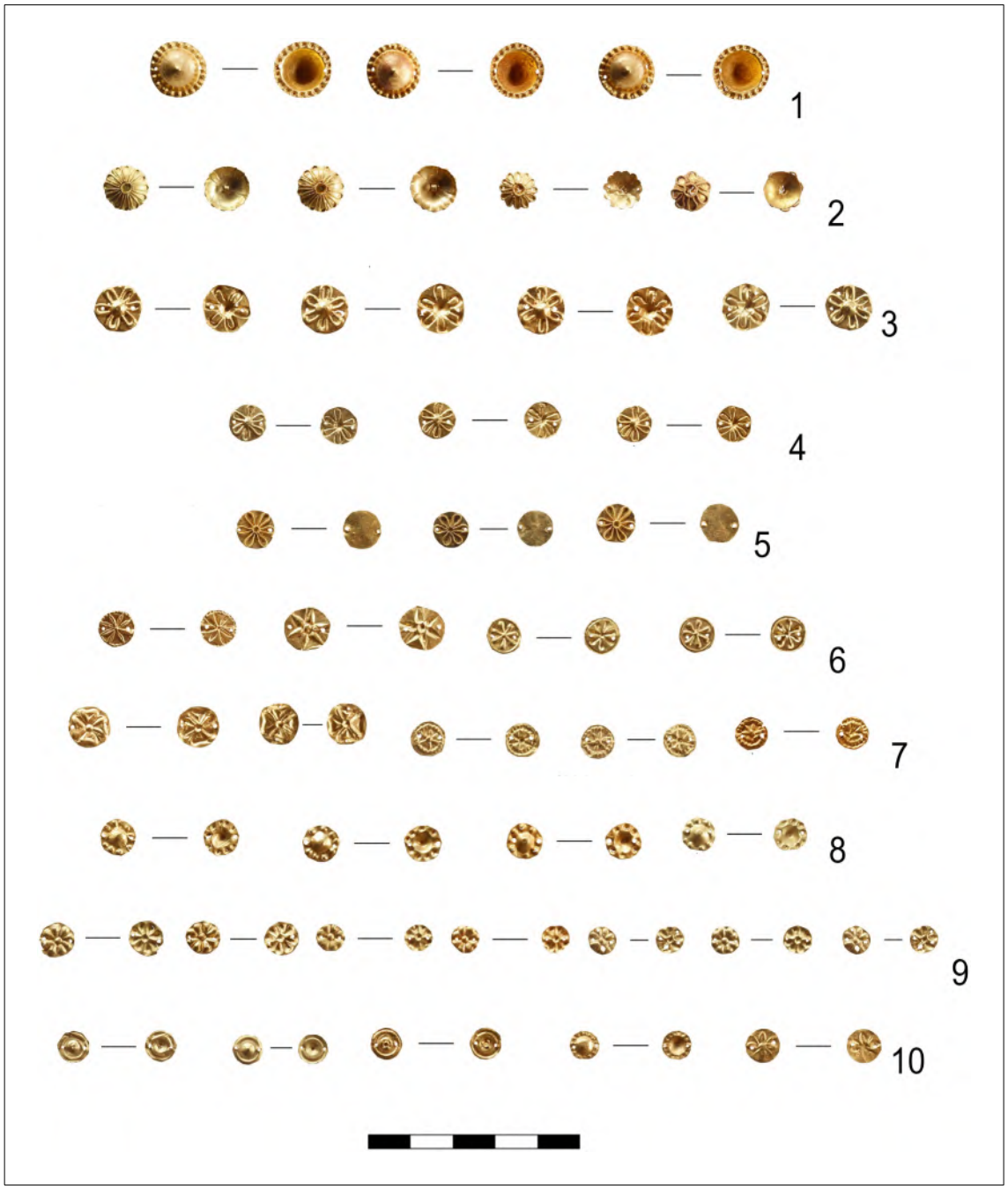

Рис. 4. Золотые нашивные бляшки из гробницы Аннион: *1* — крупные круглые умбоновидные бляшки с рельефным бордюром; *2* — розетковидные бляшки с радиальным рельефным орнаментом; *3* — круглые бляшки с восьмилепестковой розеткой; *4* — мелкие круглые бляшки с радиальной розеткой; *5* — круглые бляшки с гладкой оборотной стороной; *6* — бляшки с рельефной звездчатой композицией; *7* — мелкие округлые и квадратные бляшки с рельефным орнаментом; *8* — полусферические бляшки с отверстиями по краю; *9* — ряд мелких розетковидных бляшек; *10* — небольшие умбоновидные и спиралевидные бляшки.

Fig. 4. Gold sewn plaques from the tomb of Annion: *1* — large round umbo-shaped plaques with a relief border; *2* — rosette-shaped plaques with radial relief ornament; *3* — round plaques with an eight-petalled rosette; *4* — small round plaques with a radial rosette; *5* — round plaques with a smooth reverse side; *6* — plaques with a relief star-shaped composition; *7* — small round and square plaques with relief ornament; *8* — hemispherical plaques with holes along the edge; *9* — row of small rosette-shaped plaques; *10* — small umbo-shaped and spiral plaques.

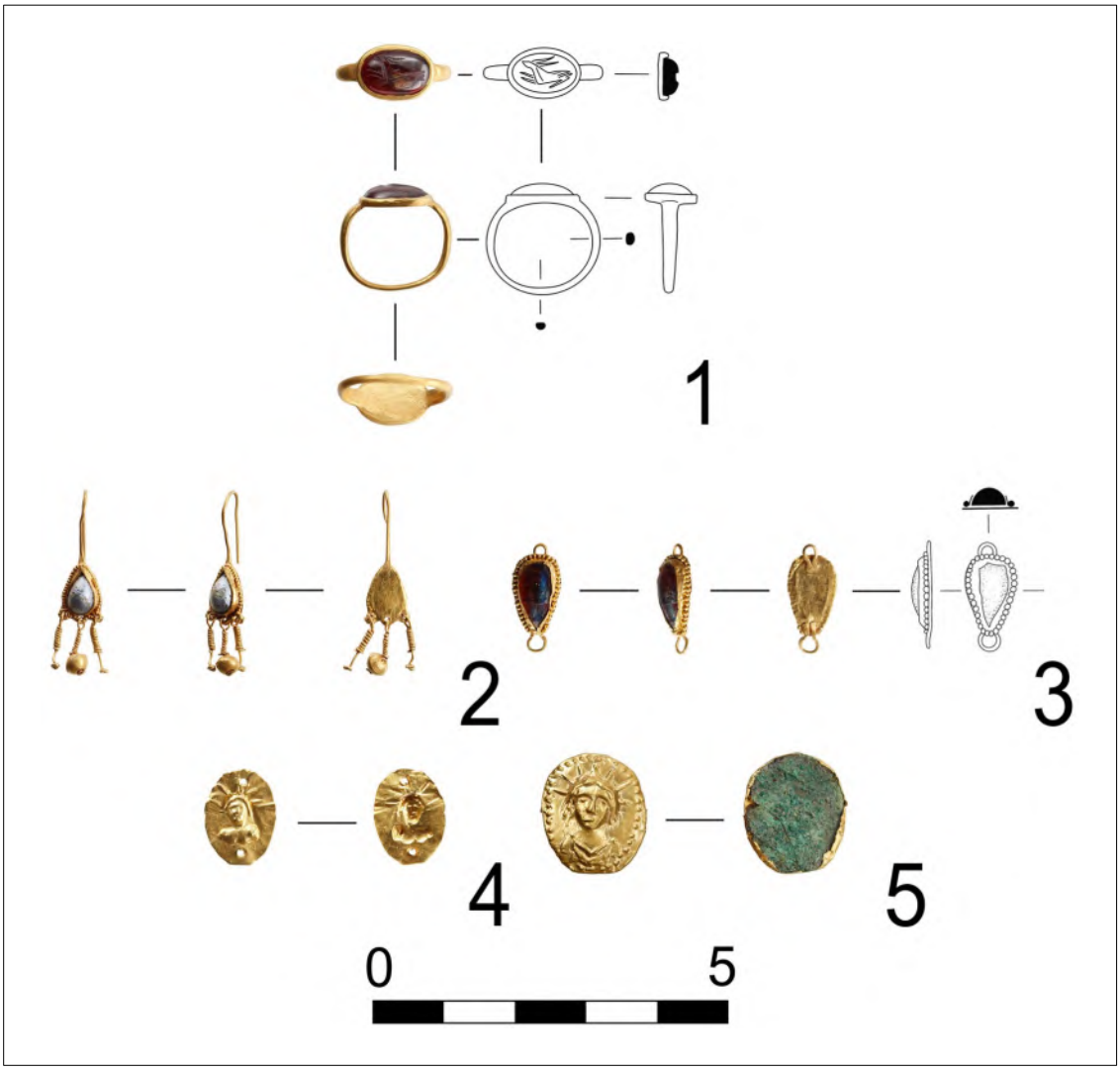

Рис. 5. Золотые украшения и фигурные бляшки из гробницы Аннион: *1* — золотой перстень с овальной вставкой-инталией; *2* — золотая серьга с подвесками; *3* — подвеска с каплевидной вставкой в зерненой оправе; *4* — овальные нашивные бляшки с рельефным изображением Гелиоса; *5* — овальная золотая бляшка с изображением Гелиоса на бронзовой основе.

Fig. 5. Gold ornaments and figural plaques from the tomb of Annion: *1* — gold ring with an oval intaglio insert; *2* — gold earring with pendants; *3* — pendant with a drop-shaped insert in a granulated setting; *4* — oval sewn plaques with a relief image of Helios; *5* — oval gold plaque with an image of Helios on a bronze base.

Рис. 6. Стеклянные сосуды из гробницы Аннион: *1* — стаканообразный сосуд из светло-зеленого стекла; *2* — фигурный сосуд в виде финика; *3, 6* — ребристые одноручные сосуды; *4, 5, 8, 9* — амфориски; *7* — фигурный сосуд в виде виноградной грозди.

Fig. 6. Glass vessels from the tomb of Annion: *1* — beaker-shaped vessel of light-green glass; *2* — figural vessel in the form of a date; *3, 6* — ribbed one-handled vessels; *4, 5, 8, 9* — amphoriskoi; *7* — figural vessel in the form of a bunch of grapes.

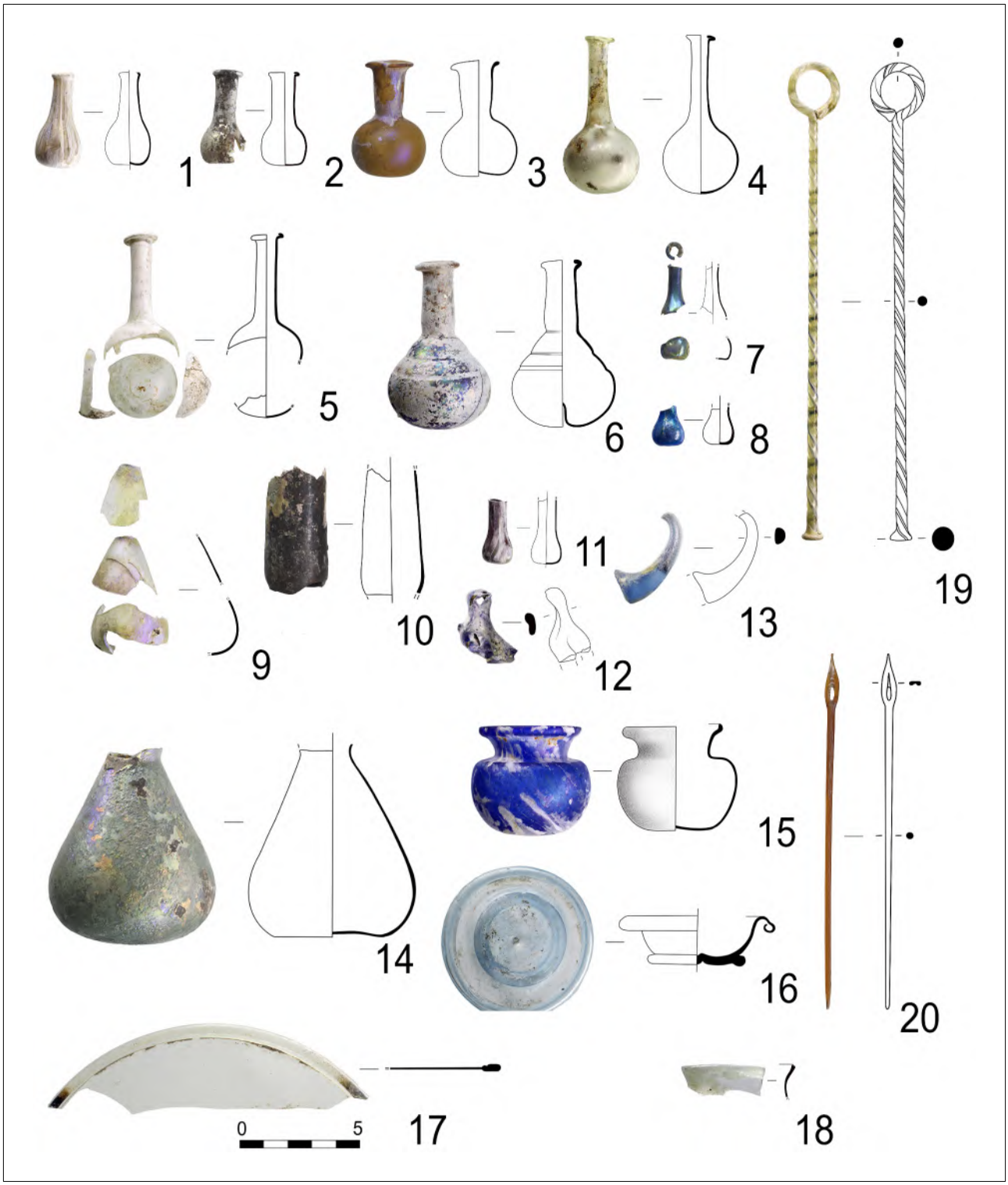

Рис. 7. Стеклянные изделия из гробницы Аннион: *1—11, 14* — бальзамарии; *12—13* — фрагменты стеклянных сосудов; *15* — баночка; *16* — мисочка; *17* — фрагмент блюда; *18* — фрагмент венчика; *19* — косметическая палочка с кольцевым навершием; *20* — палочка.

Fig. 7. Glass objects from the tomb of Annion: *1—11, 14* — balsamaria; *12—13* — fragments of glass vessels; *15* — small jar; *16* — small bowl; *17* — fragment of a dish; *18* — fragment of a rim; *19* — cosmetic rod with a ring-shaped finial; *20* — rod.

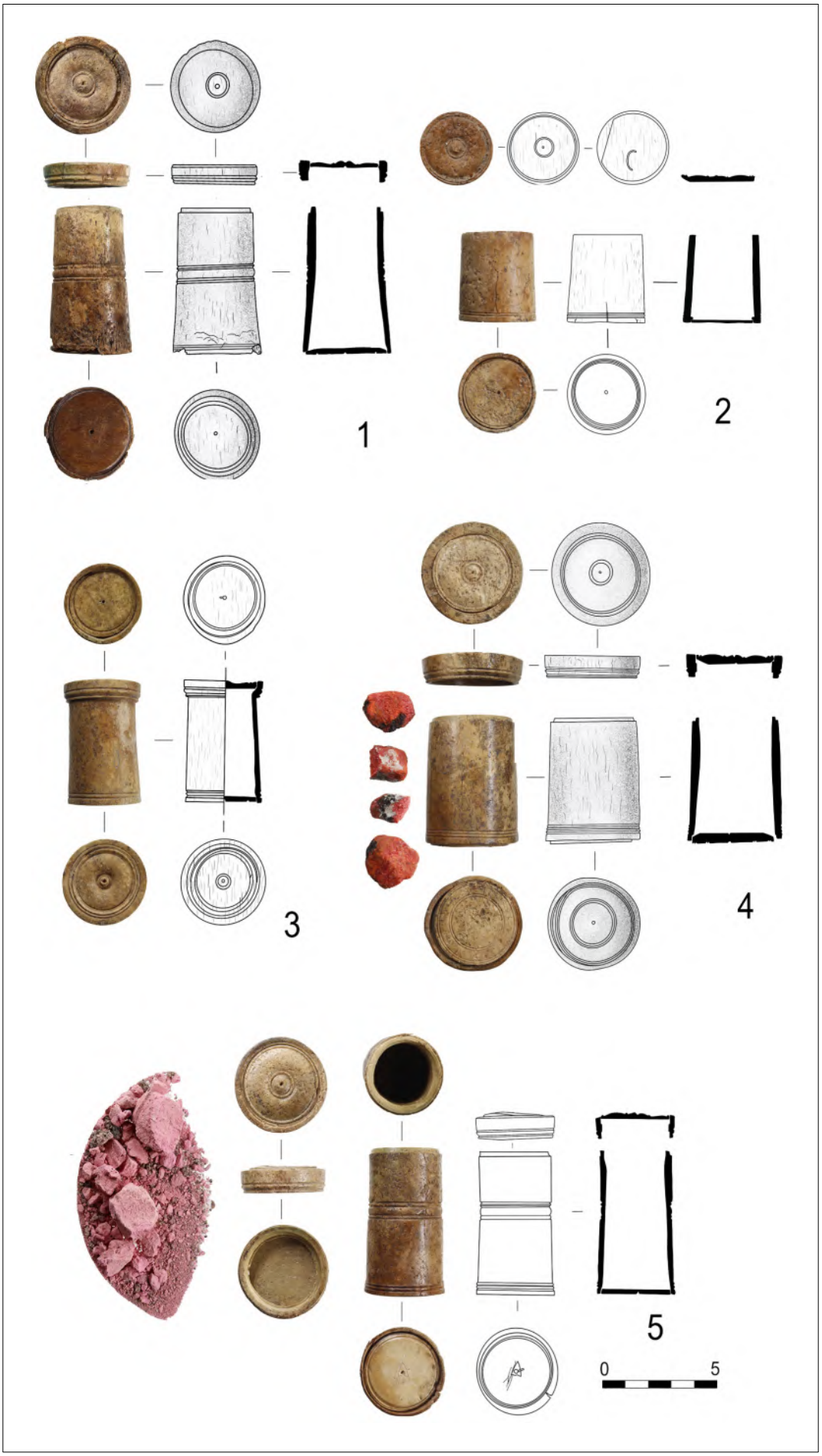
1
2
3
4
5
0
5

Рис. 8. Костяные пиксиды из гробницы Аннион: *1* — крупная цилиндрическая пиксида с крышкой и донцем; *2* — небольшая цилиндрическая пиксида с крышкой и донцем; *3* — цилиндрическая пиксида с профилированными краями; *4* — цилиндрическая пиксида с крышкой, донцем и остатками красного пигмента; *5* — цилиндрическая пиксида с крышкой, донцем и остатками розового пигмента.

Fig. 8. Bone pyxides from the tomb of Annion: *1* — large cylindrical pyxis with lid and base; *2* — small cylindrical pyxis with lid and base; *3* — cylindrical pyxis with profiled edges; *4* — cylindrical pyxis with lid, base, and remains of red pigment; *5* — cylindrical pyxis with lid, base, and remains of pink pigment.

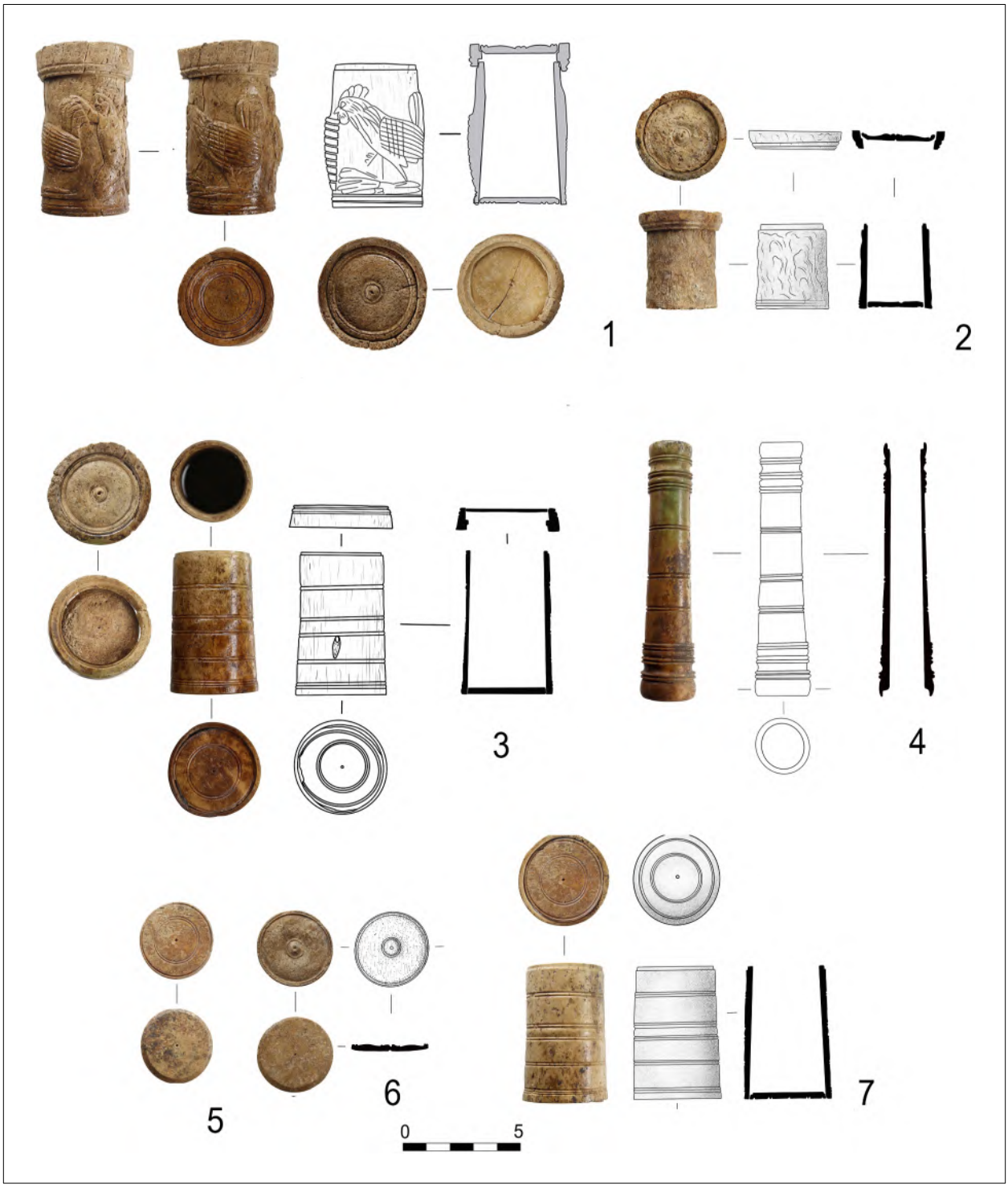

Рис. 9. Костяные пиксиды, крышки и футляр из гробницы Аннион: *1* — цилиндрическая пиксида с рельефным изображением Эрота и петуха; 2 — небольшая цилиндрическая пиксида; *3* — цилиндрическая пиксида с крышкой и донцем; *4* — удлиненный цилиндрический футляр с профилированными поясками; *5—6* — крышки и донца пиксид; *7* — фрагментированная цилиндрическая пиксида с горизонтальными профилированными поясками.

Fig. 9. Bone pyxides, lids, and case from the tomb of Annion: *1* — cylindrical pyxis with a relief image of Eros and a rooster; *2* — small cylindrical pyxis; *3* — cylindrical pyxis with lid and base; *4* — elongated cylindrical case with profiled bands; *5—6* — lids and bases of pyxides; *7* — fragmented cylindrical pyxis with horizontal profiled bands.

Рис. 10. Фрагменты пиксид, костяные накладки и астрагал из гробницы Аннион: *1–2* — костяные кольца / ободки от крышек или корпусов пиксид; *3* — костяное кольцо с боковым отверстием; *4* — точеная костяная деталь; *5–7* — пластинчатые костяные накладки от составного предмета, вероятно шкатулки или футляра; *8* — костяной астрагал.

Fig. 10. Fragments of pyxides, bone overlays, and astragalus from the tomb of Annion: *1–2* — bone rings / rims from lids or bodies of pyxides; *3* — bone ring with a lateral hole; *4* — turned bone detail; *5–7* — flat bone overlays from a composite object, probably a casket or case; *8* — bone astragalus.

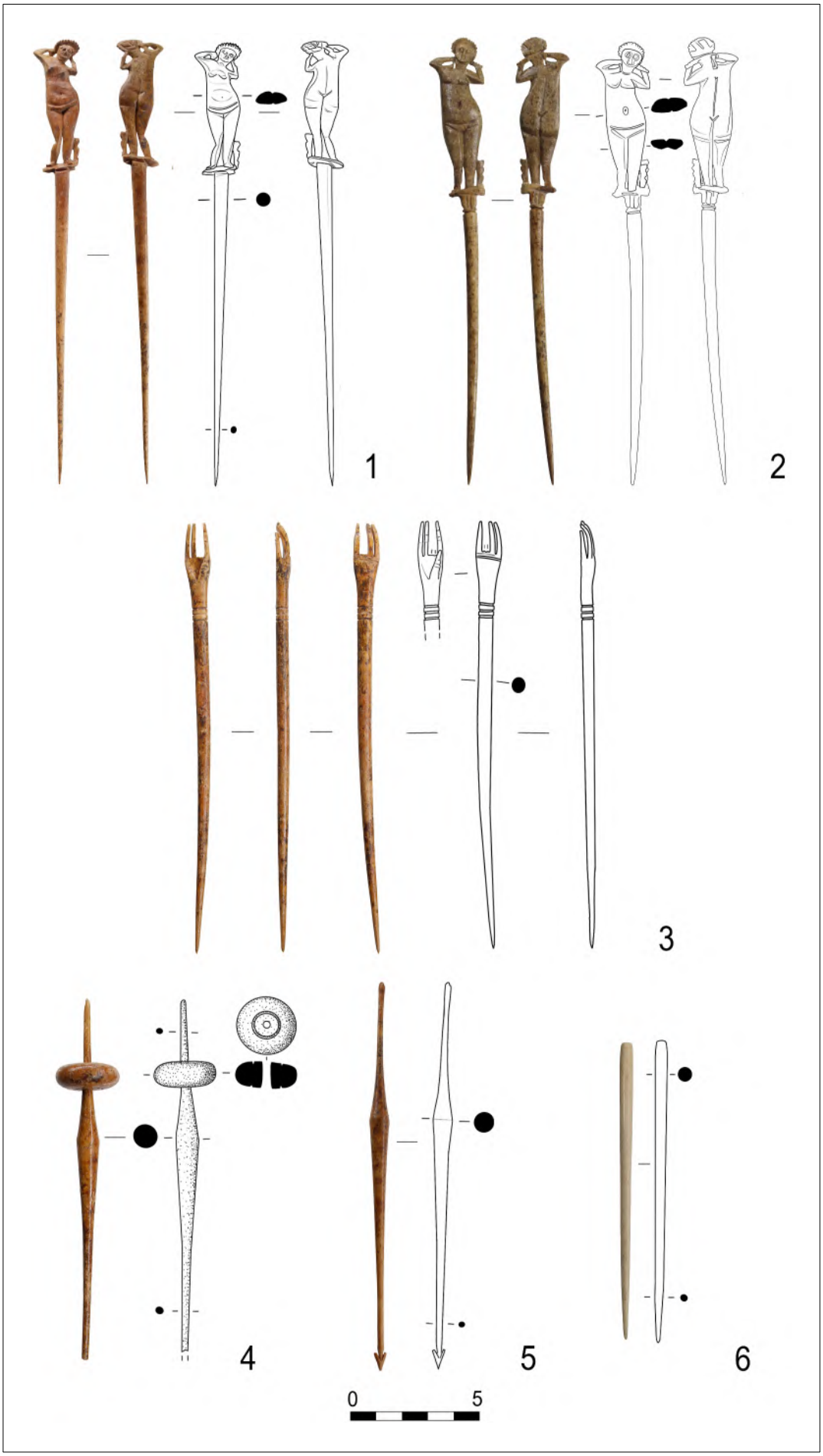
1
2
3
4
5
6
0
5

Рис. 11. Костяные шпильки, проколки, веретено и пряслице из гробницы Аннион: *1—2* — шпильки с навершием в виде Афродиты Анадиомены; *3* — костяной стержень с рабочим концом в виде руки; *4* — веретено с пряслицем; *5* — веретено; *6* — костяная шпилька или проколка.

Fig. 11. Bone pins, awls, spindle, and spindle whorl from the tomb of Annion: *1—2* — pins with finials in the form of Aphrodite Anadyomene; *3* — bone rod with a working end in the form of a hand; *4* — spindle with spindle whorl; *5* — spindle; *6* — bone pin or awl.

Рис. 12. Бусы и подвески из гробницы Аннион: *1* — крупная гагатовая бусина; *2—3* — цилиндрические гагатовые пронизи; *4—10* — гагатовые бусы призматической, биконической, топоровидной, округлой и уплощенной формы; *11—17* — гагатовые кольцевидные и дисковидные бусы; *18* — гагатовая подвеска в виде головы животного; *19* — группа мелких гагатовых бус; *20* — золотая пронизь для бусины; *21—25* — сердоликовые бусы; *26* — стеклянная биконическая бусина; *27—30* — бронзовые бусы и пронизи; *31* — бисер; *32—33* — стеклянные дисковидные, биконические и шаровидные бусы.

Fig. 12. Beads and pendants from the tomb of Annion: *1* — large jet bead; *2—3* — cylindrical jet tubes; *4—10* — jet beads of prismatic, biconical, axe-shaped, round, and flattened forms; *11—17* — ring-shaped and discoid jet beads; *18* — jet pendant in the form of an animal head; *19* — group of small jet beads; *20* — gold tube for a bead; *21—25* — carnelian beads; *26* — glass biconical bead; *27—30* — bronze beads and tubes; *31* — seed beads; *32—33* — glass discoid, biconical, and spherical beads.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
0
5

Рис. 13. Бусы и подвески из гробницы Аннион: *1—6* — подвески и пронизи из горного хрусталя; *7—12, 16* — ребристые фаянсовые бусы голубого и светлого цвета; *13* — фаянсовый скарабей; *14—15* — фаянсовые подвески-амфориски; *17—22, 28, 34* — стеклянные бусы; *23—27, 29* — сердоликовые бусы; *30* — стеклянная трубчатая пронизь; *31—32* — полосчатые полихромные стеклянные бусы; *33* — зеленая трубчатая пронизь.

Fig. 13. Beads and pendants from the tomb of Annion: *1—6* — pendants and tubes of rock crystal; *7—12, 16* — ribbed faience beads of blue and light colour; *13* — faience scarab; *14—15* — faience amphoriskos pendants; *17—22, 28, 34* — glass beads; *23—27, 29* — carnelian beads; *30* — glass tubular bead; *31—32* — striped polychrome glass beads; *33* — green tubular bead.

Рис. 14. Краснолаковая чаша с граффито «AN» из гробницы Аннион.

Fig. 14. Red-slip bowl with the graffito “AN” from the tomb of Annion.

Рис. 15. Красноглиняные одноручные закрытые сосуды из гробницы Аннион.

Fig. 15. Red-clay one-handled closed vessels from the tomb of Annion.

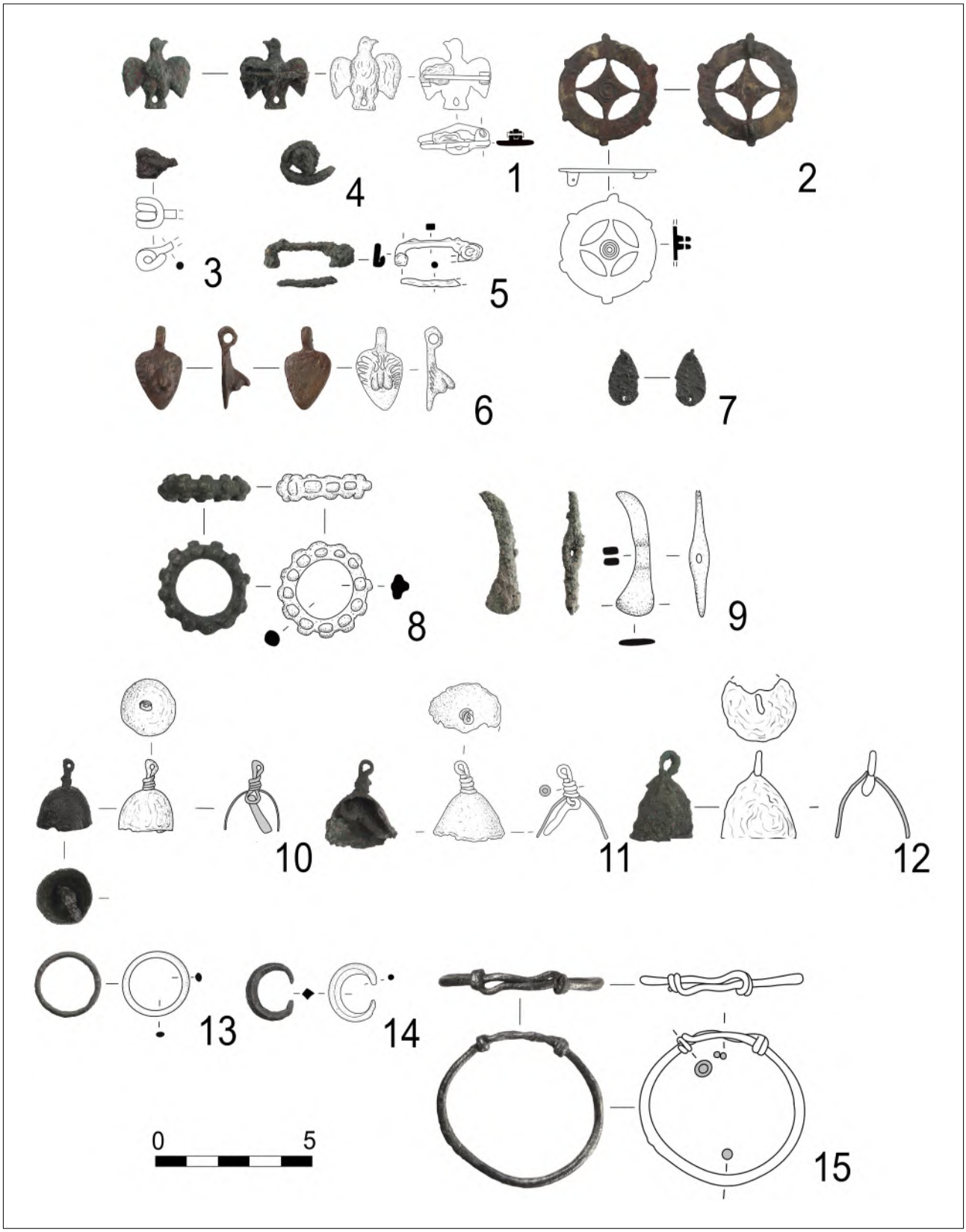
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
0
5

Рис. 16. Изделия из медного сплава и серебра из гробницы Аннион: *1* — фибула в виде птицы с распростертыми крыльями; *2* — колесовидная ажурная фибула; *3—5* — фрагменты застежек, фибул и пряжки; *6* — амулетная подвеска; *7* — листовидная подвеска; *8* — кольцо с выступами; *9* — миниатюрная подвеска в форме топорика-кирки; *10—12* — бронзовые колокольчики; *13* — кольцевидное изделие; *14* — ободок пряжки; *15* — серебряный браслет.

Fig. 16. Copper-alloy and silver objects from the tomb of Annion: *1* — bird-shaped fibula with outspread wings; *2* — openwork wheel-shaped fibula; *3—5* — fragments of fasteners, fibulae, and buckle; *6* — amuletic pendant; *7* — leaf-shaped pendant; *8* — ring with bosses; *9* — miniature pendant in the form of an axe-pick; *10—12* — bronze bells; *13* — ring-shaped object; *14* — buckle rim; *15* — silver bracelet.

1
0
10
2
3
4
5
6
7
8
9
11
12
13
14
10
16
17
18
15
19
20
22
25
24
23
29
33
27
30
26
0
5
28
31
32

Рис. 17. Фрагменты шкатулки и ее фурнитуры из гробницы Аннион: *1—9* — бронзовые накладки и пластинчатые детали корпуса шкатулки; *10* — ригельная планка; *11* — дуговидная ручка; *12* — перфорированная пластина крепления; *13* — цилиндрическая профилированная деталь; *14—18* — мелкие крепежные элементы, петли и зажимы; *19—22* — пластинчатые и трубчатые детали крепления; *23—25* — элементы замка или запорного устройства; *26—28* — железные детали, связанные с конструкцией шкатулки; *29—32* — кольцевидные крепления; *33* — костяной стержень с бронзовыми зажимами.

Fig. 17. Fragments of a casket and its fittings from the tomb of Annion: *1—9* — bronze overlays and plate details from the body of the casket; *10* — bolt plate; *11* — arched handle; *12* — perforated fastening plate; *13* — cylindrical profiled detail; *14—18* — small fastening elements, hinges, and clamps; *19—22* — plate and tubular fastening details; *23—25* — elements of the lock or locking mechanism; *26—28* — iron details associated with the construction of the casket; *29—32* — ring-shaped fastenings; *33* — bone rod with bronze clamps.

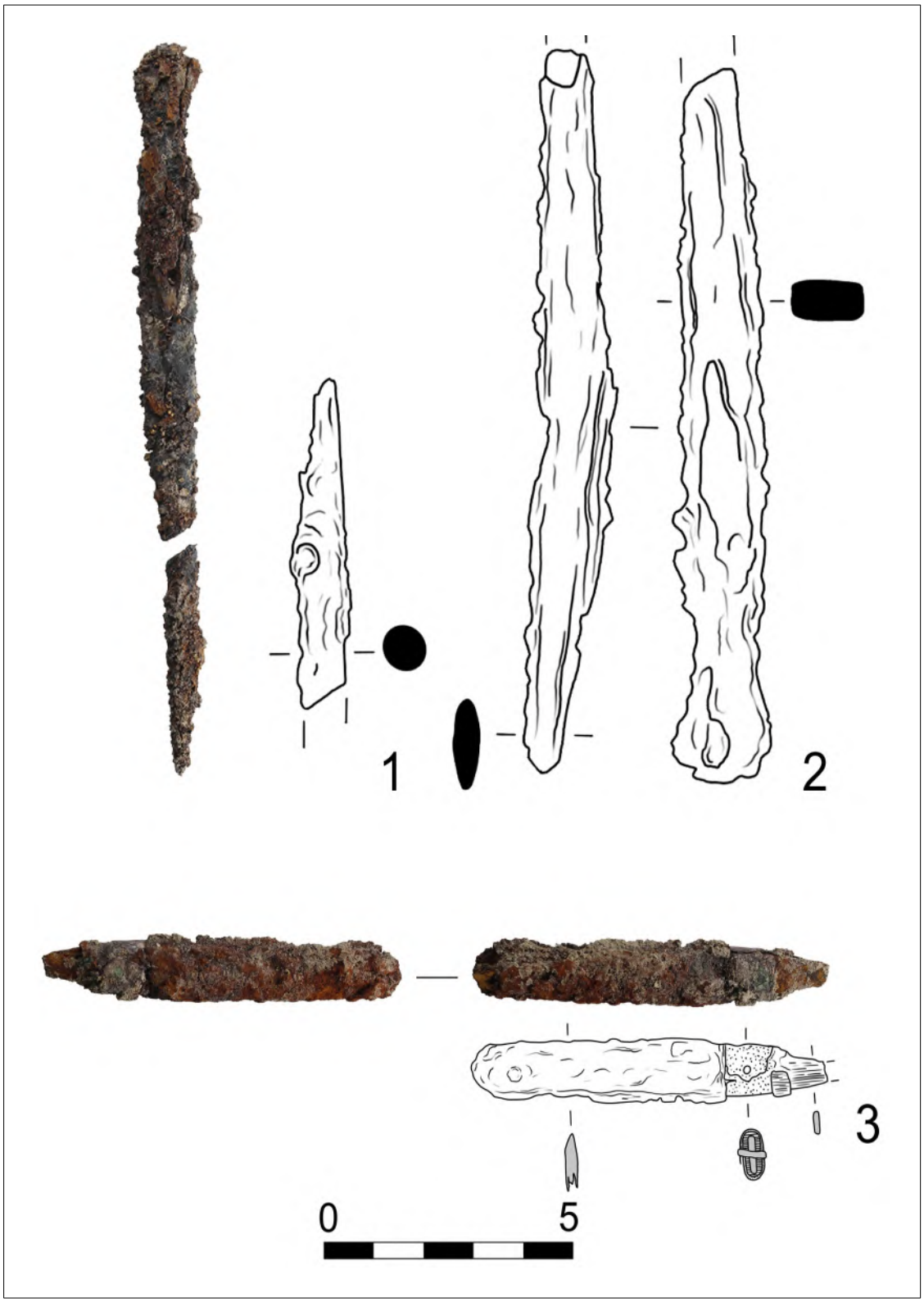

Рис. 18. Железный нож и ножевидные предметы из гробницы Аннион: *1* — железный ножевидный предмет с заостренным концом; *2* — удлиненный железный ножевидный предмет; *3* — железный нож с остатками рукояти и крепежными деталями.

Fig. 18. Iron knife and knife-shaped objects from the tomb of Annion: *1* — iron knife-shaped object with a pointed end; *2* — elongated iron knife-shaped object; *3* — iron knife with remains of the handle and fastening details.

Рис. 19. Терракоты из гробницы Аннион: *1* — фрагментированная терракотовая статуэтка с сохранившейся хвостовой частью птицы; *2* — отреставрированная терракотовая статуэтка мальчика с голубем, прижатым к груди.

Fig. 19. Terracottas from the tomb of Annion: *1* — fragmented terracotta figurine with the preserved tail part of a bird; *2* — restored terracotta figurine of a boy holding a dove to his chest.

Рис. 20. Директор Центра спасательной археологии ИИМК РАН Н.Ф. Соловьева, В.В. Вахонеев и А.Ф. Покровская у гробницы Аннион после реставрации в день открытия музейно-храмового комплекса «Новый Херсонес».

Fig. 20. N.F. Solovyova, Director of the Rescue Archaeology Centre of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, V.V. Vakhoneev, and A.F. Pokrovskaya at the tomb of Annion after restoration, on the opening day of the New Chersonesos museum and church complex.